ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ДЕТЕКТИВ

Живой металл

Человек, который продал Луну
Роберт Хайнлайн

Аннотация
Роберт Э. Хайнлайн. Человек, который продал Луну
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14

Аннотация

Премия за достижения в научной фантастике «Хьюго»-1951 (ретроспективная, вручалась в 2001 г.), категория «Повесть».

Д.Д. Гарриман был финансовым гением, щедро сыпавшим невообразимыми идеями. Любая его авантюра приносила доход… А сам Гарриман мечтал побывать на Луне, несмотря на то, что космических кораблей, способных достичь Луны, еще не существовало.

Как добыть денег на постройку лунных кораблей? Просто развернуть рекламную компанию, продать «земельные» участки на лунной поверхности и на полученные деньги осуществить свою мечту.

Роберт Э. Хайнлайн
Человек, который продал Луну

1

— Ты должен поверить!

Джордж Стронг только фыркнул в ответ.

— Наплюй на все это, Дилоуз. Сколько лет можно тянуть одну песню? Возможно, когда-нибудь люди и доберутся до Луны, но я в это не больно верю. И нам с тобой нипочем не дожить до этого. Для нашего поколения все кончилось со взрывом энергетического спутника.

— Ясно, не доживем, — буркнул Д.Д.Гарриман, — если будем просиживать штаны и ничего не делать. А ведь мы кое-что можем.

— Вопрос первый: как? Вопрос второй: зачем?

— Зачем?! Этот человек не знает — зачем? Послушай, Джордж, у тебя в душе есть место для чего-нибудь, кроме дивидендов? Неужели ты никогда не сидел с девушкой под Луной чудесной летней ночью и не думал, что там творится.

— Ну, было однажды. Я тогда, помнится, простудился.

Гарриман воздел руки, вопросил небеса, за какие грехи отдан он во власть филистеров, и снова насел на компаньона.

— Я мог бы объяснить тебе, «зачем». Точнее, «Зачем» с большой буквы, но ты не поймешь: ты ведь интересуешься только прибылью. Хочешь знать, сколько долларов принесет «Гарриман энд Стронг» или «Гарриман Энтерпрайзис»?

— Конечно, — согласился Стронг, — и не надо морочить мне голову ночными пейзажами и мифическими лунными самоцветами. Обо всем этом я уже наслышался.

— Ты же знаешь, что невозможно рассчитать бюджет совершенно нового дела. Это все равно, что спрашивать у братьев Райт, сколько выручит «Куртис-Райт Корпорейшн» от продажи самолетов. Подойдем к делу с другой стороны. Ты ведь не хочешь, чтобы мы снова возились с производством пластиковых домов? Если бы мы все делали по-твоему, то до сих пор торчали бы в Канзас-Сити и сдавали бы землю под выпасы.

Стронг в ответ пожал плечами.

— Сколько принесли «Нью Уорлд Хоумз»?

Стронг рассеянно явил свой талант — один из столпов их партнерства.

— Хм..... 172946004 доллара 62 цента, если вычесть годовой налог. А общий бюджет...

— Бог с ним! А какова наша доля в прибыли?

— Ну... мы, если не считать акций, которые ты

купил для себя, а потом продал мне, получаем 13717437 долларов 20 центов без вычета подоходных налогов. К слову, давно пора отменить такое двойное обложение; дикие налоги с богатых и предприимчивых людей вскоре доведут страну до…

— Ладно, ладно! Сколько мы получили от «Скайбласт Фрэйт энд Энтиподиз Трансуэйз»?

Стронг ответил.

— А ведь мы чуть не подрались, когда я уговаривал тебя купить патент на дюзы. Ты называл ракеты людской придурью.

— Тут нам просто повезло, — возразил Стронг. — Не мог же ты предвидеть забастовку на австралийских урановых рудниках. Иначе «Скайбласт» принес бы нам одни убытки. То же и с «Нью Уорлд Хоумз»: если бы родтауны не дали нам рынок, мы бы остались с носом.

— И то, и другое — ерунда. Быстрая доставка грузов всегда хорошо оплачивается. И с «Хоумз» все было ясно: десяти миллионам семей нужны были собственные дома; мы продавали их сравнительно дешево — ясно, что их купили, хотя и пришлось подкорректировать местные законы о недвижимости. Мы ставили на верных лошадок. Ты вспомни, когда мы теряли деньги, а

когда наживались. Разве не мои безумные идеи неизменно приносили прибыль? А когда мы пытались выжать деньги из какого-нибудь старья, мы проигрывали.

— «Старье» тоже приносило нам доход… — запротестовал было Стронг.

— …которого едва хватало на содержание яхты. Признай лучше честно, Джордж, что прибыли приносили именно те авантюры, в которые я тебя втянул — «Эндз Дивелопмент Компани», пантограф…

— А я вкалывал до кровавого пота, чтобы из идей получились деньги, — проворчал Стронг.

— Потому-то мы и работаем вместе. Я ловлю тигра за хвост, а ты сажаешь его на цепь и выжимаешь деньги. А теперь мы возьмемся за Луну, и ты выжмешь деньги из нее.

— Говори за себя. Я на Луну не собираюсь.

— А я собираюсь.

— Фррр! И потеряешь на этом последнюю рубашку, несмотря на все твои таланты. Есть хорошая поговорка о кувшине, что повадился по воду ходить.

— Черт возьми, Джордж, — я хочу полететь на Луну. Если ты не со мной — давай кончать волынку, и я займусь этим без тебя.

Стронг шлепнул по столу.

— Брось, Дилоуз, я же не отказываюсь.

— Все или ничего. Такой шанс я не упущу. Я хочу быть Первым Человеком на Луне.

— Хм… идем-ка: мы опоздали на заседание правления.

Выходя из кабинета, аккуратный Стронг выключил свет. Гарриман видел это в тысячный раз, но теперь предложил:

— А что, если свет будет выключаться автоматически, когда ты выходишь из комнаты?

— Хммм… А если в комнате кто-нибудь остался?

— Ну… пусть эта штука срабатывает лишь тогда, когда в помещении никого нет. Пусть она реагирует, к примеру, на тепло человеческого тела.

— Уж больно дорого и сложно.

— Вовсе не обязательно. Подкину-ка я эту идейку Фергюссону. Приборчик должен быть размером с выключатель и дешевым, чтобы экономия энергии окупала его.

— И как же он будет работать? — спросил Стронг.

— Откуда я знаю? Я же не инженер. Пусть об этом подумают Фергюссон и его головастые ре-

бята.

— Эту штуку будет нелегко продать: выключать свет или нет — вопрос темперамента. Мой темперамент диктует мне аккуратность, твой — нет. Если прибор не отвечает темпераменту, человек его не купит, — возразил Стронг.

— Купит, если почует выгоду. Энергии не хватает, и чем дальше, тем больше.

— Ну, это дело поправимое. Как раз об этом мы и будем думать на сегодняшнем заседании.

— В этом мире, Джордж, временные трудности становятся постоянным фактором. Новый выключатель будут покупать.

Стронг достал блокнот и ручку.

— Завтра позвоню Фергюссону.

А Гарриман тут же навсегда забыл об этом.

— Сколько мы выручим, если продадим акции «Родуэйз» и «Белт Транспорт Корпорейшн»? — спросил он Стронга уже на крыше. — Плюс акции «Нью Уорлд Хоумз».

— Ты что, с ума сошел?

— Может быть. Мне нужны наличные — все, что ты можешь наскрести. От «Родуэйз» и «Белт Транспорт» давно пора избавиться.

— Ты точно спятил! Из всех фирм, что ты поддерживаешь, эти — самые солидные.

— Когда я с ними связался, они еще не были солидными. Ручаюсь, Джордж, родтаунам скоро крышка. Они сгинут, как те городишки, что стояли вдоль железных дорог; лет через сто во всей Америке ни одного не останется. Как нужно делать деньги, Джордж?

— Покупать подешевле, а продавать подороже.

— Это только половина правила… Твоя половина. А еще нужно угадывать тенденцию развития, стимулировать ее и не отставать от времени. Продай эти акции, Джордж, мне нужны свободные деньги.

На крышу опустилось такси. Оно в несколько минут перенесло компаньонов на крышу Гемисфер-Пауэр Билдинг. Они спустились на самый нижний подземный этаж, в конференц-зал: в те времена состоятельные люди предпочитали забираться поглубже на случай атомной бомбардировки, хотя на Земле царил прочный мир. Однако зал вовсе не походил на убежище, скорее, на гостиную в богатом доме: во всю стену раскинулась панорама — вид города с птичьего полета. Эффект достигался стереотрансляцией с крыши.

Все уже были в сборе. Диксон кивнул Гарриману и Стронгу, глянул на часы и произнес:

— Ну вот, джентльмены, наш анфантерибль[1] явился, и мы можем начинать, — он уселся в председательское кресло, взял молоток и постучал, призывая к тишине. — Протоколы последнего заседания — перед вами. Когда будете готовы — дайте сигнал.

Гарриман глянул на бумаги и нажал кнопку. Перед ним высветился зеленый кружок. Большая часть директоров сделала то же.

— Кто начнет? — спросил он, переводя взгляд с одного на другого. — Ага… ты, Джордж. Начинай.

— Я хотел бы послушать отчеты, — насупившись сказал Стронг и тоже нажал кнопку.

Зеленый кружок перед Диксоном был чуть побольше, чем у прочих. Он нажал кнопку, и на экране, укрепленном над столом, зажглось слово «запись».

— Отчеты по текущим делам, — объявил Диксон и нажал другую кнопку. Откуда-то раздался женский голос. Гарриман слушал, держа ручку над бумагой. Действовали тринадцать ядерных реакторов типа «Кюри», на пять больше, чем во время прошлого заседания. Реакторы Саскуэханны и Чарльстона вышли на проектную

---

[1] Примечания: 1

Анфантерибль — ужасный ребенок (фр.).

мощность, и дороги атлантического побережья снова работали с нормальной нагрузкой. Дорога Чикаго — Лос-Анджелес должна заработать в ближайшие полмесяца. Энергии все еще не хватает, но конец кризиса близок.

Все это было важно, но сейчас мало трогало Гарримана. Кризис, наступивший после взрыва энергетического спутника, понемногу преодолевался, но для него он был лишь одним из препятствий к космическому полету.

Три года назад, когда появилось изотопное топливо Харпера — Эриксона, казалось, что не только решена проблема безопасной эксплуатации энергетического сердца континента, но и появился мощный стимул развития космонавтики.

Грузовая ракета с ядерным реактором на борту занимала стационарную орбиту, а малые ракеты сновали между нею и Землей, поднимая на спутник сырье для реактора и возвращаясь на планету с изотопным топливом, которое ждала вся промышленность.

Гарриман вкладывал деньги в этот спутник не только как один из директоров энергетического синдиката, но и ради своих целей: так он надеялся получить изотопное горючее для полета на Луну. Ему не хотелось клянчить горючее у

военных, а тем более — у правительства. Дело было верное, его мог потянуть кто угодно, а уж Гарриману — сам бог велел. У него был корабль, будет и горючее.

Корабль был его собственный. Правда, баллистическая транспортная ракета нуждалась в доработках: следовало заменить двигатели, снять крылья. Имя уже поменяли — «Брисбен-Сити» стал «Санта Марией». И нужно было горючее.

На топливе-то все и застопорилось: большая часть уходила на транспортный челнок, а потом возник всеамериканский энергетический дефицит, и спутник уже не мог его перекрыть. Тогда синдикат ухватился за низкотемпературные реакторы типа «Кюри», где уран использовался напрямую; он, таким образом, предпочел углубление дефицита необходимости запуска новых спутников.

Но на «Кюри» нельзя было получать изотопное топливо, и Гарриман решил было надавить на политиков, чтобы открыть «Санта Марии» путь на Луну.

И тут энергоспутник разнесло в пыль.

Голос Диксона вывел Гарримана из задумчивости.

— Меня отчеты устраивают. Если не возража-

ете, джентльмены, примем их в предлагаемом варианте. Через девяносто дней мы достигнем прежнего уровня.

— Но без резерва, — заметил Гарриман, — а пока мы здесь сидим, народилось много детей.

— Вы возражаете против отчета, Ди-Ди?

— Нет.

— Отлично. Далее — отчет не связан с обществом. Позвольте, джентльмены, обратить ваше внимание на первый пункт: наш вице-президент предлагает систему ежегодных выплат, льгот, стипендий и так далее для членов семей персонала энергоспутника и пилота «Шарона». Смотри приложение «С».

Возразил Финеас Морган, руководитель треста «Кузин инкорпорейтед».

— Зачем это, Эд? Конечно, очень жаль этих людей, но ведь мы хорошо им платили и страховали по высшей ставке. Зачем же эта благотворительность?

— Разве не ясно, — усмехнулся Гарриман. — Я согласен, нужно платить. Отдай, что должен, а то придется отдать вдвое.

— «Должен»! Это девятьсот-то тысяч? — возразил Морган.

— Один момент, джентльмены… — подал голос

вице-президент по общественным связям. — Министр Морган, если вы повнимательнее прочтете мои предложения, то увидите, что выплаты на тридцать пять процентов окупятся их рекламой.

Морган вчитался повнимательнее.

— М-м… так бы сразу и сказали. Ничего не поделаешь, заплатим, хотя мне не нравится сам прецедент.

— Иначе нам нечего было бы рекламировать.

— Да, но…

Вмешался Диксон:

— Мистер Гарриман внес предложение. Прошу голосовать, — все, даже Морган, зажгли зеленые огоньки. — Следующий пункт похож на предыдущий. Некая миссис, ээ… Гарфилд через своего адвоката сообщает, что мы несем ответственность за врожденный физический недостаток ее ребенка. Он родился в момент взрыва энергоспутника, и рожала миссис Гарфилд в том районе, над которым была катастрофа. Она требует в виде компенсации полмиллиона долларов.

Морган взглянул на Гарримана.

— Вы, Дилоуз, наверное, посоветуете не доводить дело до суда.

— Совсем наоборот. Мы выиграем процесс.

— Но почему же, Ди-Ди? — удивился Диксон. —

Мне кажется, мы могли бы откупиться десятью или пятнадцатью тысячами. Зачем нам огласка?

— Да, шума будет много, но мы должны бороться, несмотря на него. Я не вижу в этом вопросе сходства с предыдущим: ни миссис Гарфилд, ни ее отродье не работали на нас. Во-вторых, любой дурак знает, что нельзя при рождении искалечить ребенка облучением. Для этого надо воздействовать на гены родителей. И в-третьих: если мы сейчас пустим это дело на самотек, то потом нам придется платить за каждого нового урода. Лучше уж потратиться на адвокатов, но не давать этой стерве ни гроша.

— Процесс может унести кучу денег, — заметил Диксон.

— Но если мы сдадимся, то потеряем еще больше. В конце концов, мы всегда можем подкупить судью.

Вице-президент по общественным связям что-то шепнул Диксону, а потом объявил:

— Я поддерживаю мистера Гарримана. Наши специалисты придерживаются того же мнения.

Предложение одобрили.

— Следующий вопрос, — продолжал Диксон, — касается исков на перебои в движении Дорог из-за энергетического кризиса. Жалуются кто на

помехи в делах, кто на потерю времени, а кто и на то, и на другое. Самые серьезные — иски акционеров «Родуэйз». Они пишут, что мы тесно связаны с «Родуэйз» и не должны отводить энергию от Дорог. Дилоуз, это по вашей части. Что посоветуете?

— Забыть об этом.

— Почему?

— Это конкретные иски, и наш синдикат тут ни при чем. «Родуэйз» продает энергию, ну и помоги им бог, а мы с ними никак не связаны, по крайней мере — не документально. На один иск к нам приходится дюжина к «Родуэйз». Мы их побьем.

— Почему вы так уверены?

Гарриман развалился в кресле, перекинул ногу через подлокотник.

— Давным-давно я служил курьером в «Уэстерн Юнион», а между делом читал все, что под руку попадется. Однажды я прочел контракт на оборотной стороне телеграфного бланка. Помните — такие большие, желтые? Вы заполняли одну сторону бланка и тем самым соглашались с контрактом, хотя почти никто не осознавал этого. Знаете, какие обязательства брала на себя компания?

— Надо думать, доставить телеграмму.

— А вот и нет. Она гарантировала, что попытается, если это возможно, доставить сообщение, а если возможности не будет, то компания ответственности не несет. При этом они могли использовать для доставки верблюжий караван или запрячь улитку. Я читал и перечитывал этот шедевр, пока не заучил наизусть. Прекраснее может быть только поэзия. С тех пор все мои контракты составлялись таким же образом. Любой иск к «Родуэйз» по поводу потерянного времени будет отклонен, ибо время — категория невещественная. В самом худшем случае — а таких случаев еще не было — «Родуэйз» отвечает лишь в объеме оплаченных грузовых перевозок и проданных билетов. Поэтому я и говорю: забудьте.

— Послушайте, Ди-Ди, — встрепенулся Морган, — значит, если я поеду в свой загородный дом и почему-либо не доберусь туда, то «Родуэйз» за это не несет ответственности?

— Даже если вы по пути умрете голодной смертью, — усмехнулся Гарриман. — Лучше летите на своем коптере, — он снова повернулся к Диксону. — Предлагаю сгрудить все эти иски в кучу, и пусть за нас отдувается «Родуэйз».

Немного погодя Диксон объявил:

— Повестка исчерпана, но наш коллега, мистер

Гарриман, желает высказаться. Он не изложил заранее суть выступления, но я думаю, мы его выслушаем.

Морган кисло посмотрел на Гарримана.

— Ладно.

— За пару центов я заставил бы вас помучиться от любопытства, — усмехнулся Гарриман, поднимаясь, но все зароптали, не желая терять время. — Господин председатель, друзья и… — он глянул на Моргана, — …и компаньоны, все вы знаете, как я интересуюсь космическими полетами.

Диксон уставился на него.

— Оставьте эту чепуху, Дилоуз! Не будь я председателем, я бы первый сбежал отсюда.

— Вот так всегда, — кивнул Гарриман. — так было, так есть и так будет. Послушайте, когда три года назад мы взялись за энергоспутник, космические полеты казались нам даром небес. Многие из нас, и я в том числе, вошли в «Спейсуэйз Инкорпорейтед», субсидируя исследования и реализацию проектов. Мы покорили околоземное пространство. Орбитальные ракеты можно было доработать, послать на Луну, а оттуда, со временем — куда угодно. Остановка была лишь за финансированием и политической поддержкой.

Технические проблемы космических перелетов были решены еще в послевоенные годы, а открытие Харпера — Эриксона и создание энергоспутника сделали их реальностью ближайшего времени. Поэтому я не возражал, когда часть изотопного горючего пошла на промышленные нужды.

Он оглядел собрание.

— Я спокойно ждал, а нужно было нажать на все рычаги и потребовать от вас горючее. И вы бы дали — лишь бы я отстал. Этот шанс, самый лучший, мы упустили. Нет спутника, нет горючего, нет даже челночного корабля; мы вернулись к исходной точке, к послевоенным годам. И все же… — он сделал паузу. — И все же я предлагаю построить космический корабль и отправить его на Луну.

Первым ответил Диксон:

— Вы сами себе противоречите, Дилоуз: сначала говорите, что это невозможно, а потом предлагаете строить корабль.

— Я не говорил, что это невозможно, я сказал, что мы упустили наиболее благоприятную возможность. Время космических полетов уже настало — на Земле становится все теснее. Дневной рацион сейчас меньше, чем тридцать лет

назад, и каждую минуту появляются сорок шесть младенцев. Это значит шестьдесят пять тысяч ежедневно и двадцать пять миллионов в год. Нашей расе пришло время вырваться в космос. Сам бог предоставляет нам возможность решить эту проблему!

Все верно, наилучший шанс мы упустили, но это относится к частным техническим вопросам. Основной проблемой остается финансирование. Поэтому я обращаюсь именно к вам, джентльмены, ведь этот зал — финансовый центр всего мира.

— Господин председатель, — поднялся Морган. — Поскольку деловая часть закончена, я вынужден откланяться.

Диксон кивнул.

— Бывайте здоровы, Финеас, — сказал Гарриман. — Не смею вас задерживать. Итак, все упирается в деньги, а деньги нужно искать именно здесь. Я предлагаю финансировать полет на Луну.

Собрание восприняло это спокойно: все здесь хорошо знали Гарримана.

— Кто поддерживает предложение Ди-Ди? — наконец, спросил Диксон.

— Один момент, господин председатель, — по-

дал голос Джек Энтенца, президент телевизионной корпорации, охватывающей два континента, — я хочу задать Дилоузу пару вопросов. — Он обернулся к Гарриману. — Я поддерживал вас, Ди-Ди, когда вы занялись «Спейсуэйз» — это обошлось мне не так уж дорого и принесло определенную пользу науке и образованию. Но в межпланетные полеты я не верю, это чистая фантастика. Куда ни шло подыгрывать вам, пока вы держались в рамках благоразумия, но как вы собираетесь попасть на Луну? Вы же сами сказали, что горючего нет.

— Не темните, Джек, — улыбнулся Гарриман. — Я хорошо знаю, почему вы меня поддерживали. На науку вам плевать — вы и пяти центов сроду в нее не вложили. Вам нужна монополия на телевидение. Держитесь за меня, и вы ее получите; иначе я договорюсь с «Рикриэйшн Лимитед». Они готовы платить мне, чтобы я приглядывал за вами.

Энтенца недоверчиво глянул на него.

— Что от меня потребуется?

— Ваша последняя рубашка, зубная щетка и обручальное кольцо вашей жены. Если «Рикриэйшн» не предложит больше.

— Черт подери, Дилоуз, вы хитрее самого дья-

вола.

— В ваших устах, Джек, это комплимент Но мне смешно, когда вы спрашиваете, как я собираюсь достичь Луны. Не все ли вам равно — вы же не отличите ракетный двигатель от обезьяны. Во всей нашей команде не найдется человека, который разбирался бы в приборах, не считая столовых, конечно.

Но я все же скажу вам, как достичь Луны. Я найму головастых парней, дам им все, что потребуется, присмотрю, чтобы их не обижали с деньгами, растолкую, что мне от них надо и отойду в сторонку, но так, чтобы не терять их из вида. Примерно так осуществлялся Манхэттенский проект — помните, разработка ядерной бомбы. Возглавлял все дело парень, который путал нейтрон с дядюшкой Джорджем, но он получил четыре варианта решения проблемы. Вот почему я уверен, что горючее у меня будет, и даже нескольких видов.

— Вы всерьез рассчитываете на успех этой авантюры? — спросил Диксон. — Мне кажется, вы собираетесь втравить нас в довольно сомнительное дело, как с финансовой, так и с научной точки зрения. Поймите, я не против вашего предложения; на хорошее дело не жалко десяти

— пятнадцати тысяч долларов, но здесь я не вижу для себя делового интереса.

— Десять — пятнадцать тысяч! — подался вперед Гарриман. — Речь идет по меньшей мере о двух миллионах, и в ходе работ нам придется еще не раз раскошеливаться. Это же самое крупное дело с тех пор, как Колумб открыл Новый Свет. Я не знаю, какую выгоду мы извлечем из проекта, не могу назвать все пункты нашей прибыли, но я ее чувствую! Главная прибыль — в самой Луне. Это же целая новая планета, Дэн такого еще не бывало. Если мы не отыщем способа выцедить из этого пару долларов, то лучше нам уйти на покой. По существу, нам предлагают Манхэттен за двадцать четыре доллара и ящик виски.

— Послушать вас, — улыбнулся Диксон, — так это единственный шанс в нашей жизни.

— Чепуха! Это величайший шанс во всей истории человечества. Идет золотой дождь, подставляй карманы.

Рядом с Энтенцей сидел Гастон П.Джонс, директор Трансамериканского и полудюжины других банков; он был, пожалуй, побогаче любого из собравшихся. Джонс тщательно стряхнул с сигары двухдюймовый столбик пепла и сухо произнес:

— Мистер Гарриман, я с удовольствием усту-

паю вам за пятьдесят центов все свои настоящие и будущие интересы, связанные с Луной.

— Беру! — Гарриман пришел в восторг.

Энтенца озабоченно прикусил губу — и встал.

— Постойте, Джонс, я даю доллар.

— Полтора, — парировал Гарриман.

— Два, — процедил Энтенца.

— Пять!

Торг продолжался. На десяти долларах Энтенца сдался и сел с прежним задумчивым видом. Гарриман огляделся с довольной улыбкой.

— Кто здесь юрист? — вопрос был чисто риторическим: он отлично знал, что из семнадцати директоров одиннадцать — юристы. — Эй, Тони, подкинь-ка мне статью, чтобы мы могли составить такую купчую, которую не расторгнет даже господь бог. Все права собственности, все интересы, нынешние, будущие и прирожденные, прямые и косвенные и так далее и тому подобное переходят от мистера Джонса ко мне за десять долларов наличными. И напиши все это по-латыни. Так, мистер Джонс?

Тот сухо усмехнулся.

— Так, молодой человек, — он сунул десятку в карман. — Я использую эту бумажку как наглядное пособие. Пусть мои внуки знают, как легко

можно делать деньги.

Энтенца смотрел то на Джонса, то на Гарримана.

— Чудесно, — объявил Гарриман. — Джентльмены, мистер Джонс установил цену на продажу своих интересов на Луне. Население нашей планеты — около трех миллиардов человек, следовательно, Луну можно оценить приблизительно в тридцать миллиардов долларов, — он достал бумажник. — Кто еще хочет продать? Покупаю в любом количестве, по десять долларов кусок.

— Даю двадцать! — крикнул Энтенца.

Гарриман мрачно посмотрел на него.

— Оставьте, Джек! Мы же в одной команде. Давайте, сойдемся на пятнадцати.

Диксон постучал по столу.

— Джентльмены, займитесь этим после заседания. Кто еще поддерживает предложение мистера Гарримана?

— Я продал все свои права мистеру Гарриману, — сказал Гастон Джонс. — Давайте голосовать.

Никто не возражал. Предложение провалили одиннадцатью голосами против трех: самого Гарримана, Стронга и Энтенцы. Гарриман по-

спешил, пока никто не ушел, чтобы обратиться к собранию:

— Так я и думал. Открою карты: я хочу просить наш синдикат, поскольку он больше не интересуется космосом, уступить то, что может мне понадобиться: патенты, технологии, оборудование и прочее, что связано с космическими полетами и не связано с производством энергии на планете. Наш недолгий роман с энергоспутником дал потомство, и я хочу этим воспользоваться. Я не прошу никаких обязательств, только согласия не противодействовать моим личным интересам, поскольку они не идут вразрез с интересами синдиката. Что скажете, джентльмены? Согласитесь — и я отвяжусь.

Джонс изучал кончик сигары.

— Не вижу причины отказывать, джентльмены… Заметьте, я говорю как абсолютно незаинтересованная сторона.

— Думаю, мы так и сделаем, Дилоуз, — согласился Диксон, — но продавать ничего не будем. Дадим взаймы. Если вам все удастся, синдикат останется в деле. Никто не возражает?

Возражений не было; таким образом политика синдиката определилась и по этому пункту. Большое совещание закончилось, точнее — распалось

на несколько маленьких. Гарриман шепотом договаривался с Энтенцей о встрече, Гастон Джонс что-то тихо внушал Диксону.

— Джордж, — вдруг обратился он к Стронгу, — можно вас спросить?

— Ради бога, но ответа не гарантирую.

— Я всегда считал вас очень разумным и осторожным человеком. Почему вы работаете в паре с Гарриманом? Он же просто сбрендил.

Стронг замялся.

— Мне полагалось бы возражать, ведь он мой друг, но… я не могу. Сбрендил, так сбрендил! Каждая безумная идея Дилоуза оборачивается прибылью. Вы знаете, я до тошноты не люблю, когда мною руководят, но его бредням я доверяю больше, чем иным бухгалтерским выкладкам.

Джонс воздел брови.

— Это что же, прикосновение Мидаса[2]?

— Называйте, как хотите.

— Не забывайте, чем кончил Мидас. Всего наилучшего, господа.

Гарриман попрощался с Энтенцей, и они со Стронгом пошли из зала. Диксон озабоченно

---

[2] Примечания: 2

Согласно легенде, фригийский царь *Мидас* получил от Диониса способность превращать в золото все, к чему ни прикоснется, и едва не умер от голода, прежде чем смыл этот дар в истоках Пактола.

смотрел им вслед.

2

Дом Гарримана строился еще в те времена, когда все, кто только мог, старались закопаться поглубже. Его надземная часть являла собой небольшой коттедж-купол, окруженный участком дивной красоты. Трудно было заметить, что под внешней оболочкой таится слой брони. Но основные помещения были под землей; они могли выдержать все, кроме прямого попадания, там были даже резервуары с запасом воздуха на тысячу часов. В Безумные Годы стену, окружавшую участок, снесла и выстроили новую — ей был нипочем даже танк на полном ходу. И ворота были под стать стене: детекторы личности чуткостью не уступали сторожевому псу.

Несмотря на все это, дом был вполне удобен; правда, содержать его стоило немалых денег. Гарриман ничего не имел против этих расходов — Шарлотта любила свой дом и у нее всегда было чем заняться. Сразу после свадьбы они жили в тесной квартирке над бакалейной лавкой, и Шарлотта терпеливо сносила все неудобства. Теперь она обрела любимую игрушку — этакий родовой

замок; что ж, Гарриман не возражал.

Но сейчас он начинал новое дело. Те несколько тысяч, что уходили каждый месяц на поддержание дома, вполне могли оказаться той гирькой, которая склонит чашу весов то ли в сторону успеха, то ли в сторону судебного исполнителя.

Этим вечером он решился поговорить с женой.

— Дорогая, — начал он, когда слуги подали кофе и ушли, — я подумал, что тебе пошло бы на пользу отдохнуть пару месяцев во Флориде.

— Где? — изумилась Шарлотта. — Не говори, глупостей, Дилоуз: Флорида в это время просто ужасна!

— Тогда прокатись в Швейцарию. Выбери приятный уголок и отдохни по-настоящему.

— Ты опять что-то задумал, Дилоуз?

Гарриман вздохнул. Самое страшное, самое непростительное, что только мог совершить мужамериканец — это «что-то задумать». Строгий приговор и суровая кара следовали, как правило, незамедлительно. Он подумал, что было бы, если бы мужчины всегда и всюду вели себя так, чтобы не огорчать женщин, словно школьники на глазах у строго учителя.

— Пожалуй, да. Ты же не будешь возражать, что этот дом — нечто вроде белого слона. Может

быть, стоит продать его, а заодно и землю — она теперь здорово подорожала. Со временем мы могли бы построить хороший современный особняк вместо этого бомбоубежища.

Миссис Гарриман взяла наживку.

— Да, хорошо бы где-нибудь в горах построить маленькое шале, совсем простенькое, чтобы хватало двух или трех слуг. Но пока мы его не построим, нам нельзя закрывать этот дом. Надо же где-то жить.

— Но я не собирался строиться прямо сейчас, — осторожно возразил Дилоуз.

— А почему бы и нет? Мы ведь не молодеем и если хотим насладиться жизнью, то лучше с этим не тянуть. Тебе ни о чем не придется беспокоиться — я сама за всем пригляжу.

Гарриман прикинул, что стоит, пожалуй, выделить деньги на «маленькое шале»: во-первых, у Шарлотты появится новое занятие, а во-вторых, ей волей-неволей придется жить поближе к строительству, в каком-нибудь отеле. Тогда можно будет продать это подземное чудище, причем с выгодой — участок неподалеку от федерального шоссе принесет больше, чем уйдет на новый дом. Кроме того, он избавится от ежемесячных поборов.

— Пожалуй, ты права, — согласился он. — Но если мы начнем строиться прямо сейчас, то каждую деталь придется решать на месте, и ты не сможешь здесь жить. Давай продадим этот дом; слишком много денег уносят налоги и текущие расходы.

— Об этом не может быть и речи, — покачала головой жена. — Здесь — мой дом.

Гарриман затушил едва раскуренную сигару.

— Мне очень жаль, Шарлотта, но тебе придется выбрать что-то одно — или строиться, или оставаться здесь. Если ты решишь остаться, мы рассчитаем с полдюжины паразитов, закроем подземные катакомбы и переберемся в коттедж. Нам придется экономить.

— Что? Рассчитать слуг? Если ты думаешь, что я смогу одна вести для тебя дом, то ты просто…

— Оставь! — он поднялся и отшвырнул сигару. — Вполне можно вести хозяйство и без эскадрона слуг. Ты же обходилась без них, когда мы поженились сама стирала и гладила мои рубашки. Потом мы купили дом, и оказалось, что он принадлежит не столько нам, сколько нашим слугам. Теперь мы от них избавимся, оставим только кухарку и горничную.

Похоже, она не слышала его.

— Дилоуз, сядь и веди себя прилично! Почему ты решил экономить? У тебя неприятности?

— Считай, что так. Почему ты не хочешь?

— Не увиливай.

— Послушай, Шарлотта, мы же давно договорились, что делами я занимаюсь в офисе. Зачем нам такой огромный дом? Если бы у нас была куча детишек…

— Ты снова обвиняешь меня!

— Нет, Шарлотта, — устало ответил он. — Я и раньше никогда тебя не обвинял и теперь не обвиняю. Я лишь предложил однажды сходить к доктору и узнать, почему у нас нет детей. А ты двадцать лет кряду заставляла меня расплачиваться за это. Все давно решено, и кончим об этом. Я говорю лишь о том, что двадцать две комнаты для двоих — слишком много. Я готов выделить разумную сумму на новый дом, — он хотел было назвать сумму, но раздумал. — Другой вариант — мы закрываем низ и живем в коттедже. Речь идет о том, чтобы временно сократить наши расходы.

— «Временно», — она ухватилась за это слово. — В чем дело, Дилоуз? На что ты хочешь тратить наши деньги? — она подождала ответа. — Что ж, если ты скрытничаешь, я позвоню Джорджу и все узнаю от него.

— Не надо, Шарлотта. Я…

— Что «ты»? — она смотрела ему прямо в глаза. — Мне даже не нужно спрашивать Джорджа, я все вижу по твоему лицу. Точно так ты выглядел, когда объявил, что все наши деньги вложил в эти сумасшедшие ракеты.

— Ты передергиваешь, Шарлотта. «Скайуэйз» себя окупили и принесли нам кучу денег.

— Я не об этом. Я поняла, в чем дело: тебе снова захотелось на Луну. Но учти, я этого не потерплю, я найду способ остановить тебя. Завтра с утра я поеду к Каминзу и узнаю, что мне делать, чтобы держать тебя в рамках, — она раскраснелась, жилы на шее вздулись.

— Но послушай, Шарлотта, тебя это не коснется. Что бы со мною ни сталось, твое будущее обеспечено.

— Ты думаешь, мне не терпится стать вдовой?

Гарриман задумчиво посмотрел на жену.

— Кто тебя знает…

— Ты… ты… ты просто бесчувственное чудовище, — она вскочила. — Я больше не желаю об этом говорить! Ясно?

Она вышла, не дожидаясь ответа.

В спальне его уже ждал слуга. Увидев хозяина, он поспешил в ванную.

— Оставьте, Дженкинс, — проворчал Гарриман. — Я разденусь сам.

— Я вам больше не понадоблюсь, сэр?

— Не понадобитесь. Но если хотите, посидите со мной и выпейте чего-нибудь. Вы давно женаты, Эд?

— Благодарю вас, сэр, — слуга наполнил бокал. — В мае исполнится двадцать три года, сэр.

— Скажите откровенно, вам хорошо жилось?

— Грех жаловаться. Бывали, конечно, случаи…

— Понимаю. Слушайте, Эд, а если бы вы не работали у меня, чем бы вы занимались?

— Мы с женой часто подумывали открыть небольшой ресторанчик. Простенький такой, где джентльмен мог бы спокойно и вкусно пообедать.

— Ресторан для холостяков?

— Пожалуй, нет, сэр. Но там был бы зал только для джентльменов, без всяких там официанток. Я бы сам его обслуживал.

— Что ж, Эд, присматривайте помещение. Считайте, что вы уже начали свое дело.

3

Как обычно, ровно в девять Стронг вошел в кабинет и с удивлением обнаружил там Гарримана, хотя тот никогда не приходил раньше клерков.

Перед ним стоял глобус, рядом лежал раскрытый том штурманского альманаха.

— Привет, Джордж, — бросил Гарриман, едва взглянув на партнера. — Кто у нас занимается Бразилией?

— Зачем тебе Бразилия?

— Мне нужны цепкие ребята, которые знали бы по-португальски. И еще несколько, владеющих испанским, не говоря уже о трех — четырех дюжинах для прочих стран. Я тут отыскал забавную зацепку. Посмотри-ка! Судя по этим таблицам, Луна проходит между двадцать девятыми параллелями северного и южного полушарий. Вот здесь, — он пометил на глобусе. — Видишь, в чем дело?

— Нет. Вижу лишь, что ты портишь шестидесятидолларовый глобус.

— У-у, старый-то ты биржевик. Что получает человек, покупая земельный участок?

— Это зависит от условий купчей. Как правило, права на полезные ископаемые, что лежат…

— Неважно. Предположим, у него обычная купчая, без оговорок. На сколько простираются его права?

— До центра Земли. Он может бурить, искать, к примеру, нефть. Теоретически у него есть права и на воздух в пределах участка, но с появлением коммерческих воздушных трасс в этот пункт внесли кое-какие уточнения. Очень кстати, а то нам пришлось бы раскошеливаться всякий раз, когда наши ракеты пролетают над Австралией.

— Нет, Джордж, нет-нет! Я не о том. Ты говоришь о праве прохода, а право на воздушное пространство остается за владельцами. Ведь и право прохода уязвимо: никто не запретит владельцу построить тысячефутовую башню в том самом месте, где проходят трассы самолетов, ракет и прочего. И все они будут как миленькие облетать ее. Помнишь, как мы арендовали воздушное пространство южнее Хьюз-Филд, чтобы за нашими делами никто не подглядывал?

Стронг задумался.

— Помню. Но древний принцип остается в силе: вниз — до Центра Земли, вверх — до бесконечности. Но всё это чистейшая теория. Или

ты высчитываешь, какую пошлину придется платить твоим космическим кораблям? — он улыбнулся своей догадке.

— Речь совсем о другом, Джордж. Скажи, кому принадлежит Луна?

Стронг так и застыл с открытым ртом.

— Ты шутишь, Дилоуз?

— Ничуть! Я снова тебя спрашиваю: если, согласно закону, человек владеет небом над своим участком, то кому принадлежит Луна? Взгляни на глобус и ответь. Строг взглянул.

— Твой вопрос не имеет смысла, Дилоуз. Земные законы на Луну не распространяются.

— Но они действуют на Земле, а это — главное. Луна постоянно находится над участком, ограниченным двадцать девятыми параллелями к северу и к югу от экватора. Если бы этой территорией, то есть, говоря приблизительно, тропиками, владел один человек, то он бы владел и Луной, разве нет? Если прибегнуть к понятиям, которыми оперируют наши суды, то получается, что владельцы этой части Земли имеют совокупное право на Луну. Протяженность прав не совсем ясна, но юристов это не беспокоит; они с этого кормятся.

— Фантастика!

— Джордж, ты встречал в юридической практике термин «фантастика»?

— Но не собираешься же ты купить весь тропический пояс? Или дело идет к этому?

— Нет, — помедлив, проговорил Гарриман, — но разве нельзя купить у всех этих государств права на владение Луной и ее эксплуатацию? Если все это сделать тихо, без паники на биржах, то стоит попробовать. То, что люди считают абсолютно бесполезным, стоит удивительно дешево. Они будут даже рады всучить тебе это, пока ты не одумался.

— Но это еще не все, — продолжил он. — В каждой из этих стран, Джордж, мне нужна местная акционерная фирма. Мне нужно, чтобы в каждой из этих стран такая фирма получила от законодательной власти право на изучение Луны, ее использование и так далее. Никаких правительственных субсидий — только пожертвования бескорыстных патриотов. Пусть все это пройдет тихо, без судорог и рекордных взяток. Конечно, все эти фирмы будем контролировать мы — вот зачем мне нужны цепкие парни. Скоро за Луну начнется драка с ножами, вот я и хочу сделать так, чтобы мы победили при любом раскладе.

— Но это очень дорого, Дилоуз. А ведь ты даже

не знаешь, доберешься ли ты до Луны, и уж тем более — извлечешь ли из этого прибыль.

— Непременно доберусь! Дороже обойдется, если не заваривать эту кашу. Да и не так уж это и дорого. С толком давать взятки — это искусство, их нужно применять лишь как катализатор процесса. В середине прошлого века четверо парней приехали из Калифорнии в Вашингтон с четырьмя тысячами за душой. Через пару недель они раздали и эти деньги, но Конгресс присудил им права на железную дорогу стоимостью в миллиард. В таких случаях главное — не всполошить рынок.

— Твои права не много будут стоить, — покачал головой Стронг. — Луна ведь не стоит на месте. Правда, она движется над означенной территорией, но то же делают и перелетные птицы…

— …и никто ими не владеет. Я тебя понял. Но Луна — другое дело: она неизменно держится в пределах этого пояса. Разве ты перестанешь владеть валуном, если перекатишь его на другое место? Примерно так же можно рассматривать земельную собственность на блуждающих островах Миссисипи. Река прокладывает новые русла, участки перемещаются, но всегда кто-то ими владеет. В нашем случае этим «кто-то» должен

быть я.

Стронг поднял бровь.

— Насколько я помню, суды неоднозначно толковали случаи с блуждающими участками.

— Мы будем ссылаться на решения, которые нам выгодны. Потому-то адвокатские жены и форсят в норковых манто. Так что, Джордж, давай начинать работу.

— Какую?

— Нужно найти деньги.

— Уф, — облегченно вздохнул Стронг. — А я уж подумал, что ты хочешь оперировать нашими средствами.

— Хочу. Но их не хватит. Наши деньги пойдут на крупные сделки, когда все завершится, а до той поры мы должны искать дополнительные средства, — он нажал кнопку, вделанную в стол, и на экране появился Саул Каминз, их генеральный поверенный. — Эй, Саул, можешь смыться незаметно? Нужно кое-что обсудить.

— О чем бы ни шла речь, — ответил Каминз, — скажите «нет», а я все устрою.

— Прекрасно. Давай, подходи. Тут собрались перевозить преисподнюю, и я договорился насчет первой партии груза с опционом.

Каминз явился быстро; через несколько минут

Гарриман уже втолковывал ему, почему он желает получить права на Луну.

— Кроме этих дутых фирм, — говорил он, — нам понадобится какой-нибудь фонд, чтобы он мог получать пожертвования, но не давал жертвователям никакого финансового интереса. Вроде Национального Географического Общества.

— Вы не сможете его купить.

— А кто здесь, черт побери, собирается его покупать? Мы должны основать собственное.

— Я тоже хотел это предложить.

— Хорошо. Итак, нам, похоже, понадобится, самое малое, одна контора, не ставящая целью извлечение прибыли, и свободная от налогов. Пусть во главе ее стоят наши люди, а мы будем дергать за ниточки. Может быть, одной окажется мало, и мы будем основывать такие заведения по мере надобности. И нужна еще хоть одна фирма, которая будет извлекать прибыль и платить налоги, но не даст прибыли до тех пор, пока мы не будем готовы. Основной фокус в том, чтобы вся реклама и весь престиж пришлись на долю благотворительных контор, а прочие тем временем втихую получат прибыли. Мы участвуем в этом круговороте, хватаем куш и погашаем расходы неприбыльных контор. Лучше всего завести

пару обычных фирм: если захотим начать бучу, то позволим одной обанкротиться. Вот и все, в общих чертах. Займитесь этим и поставьте дело на солидную юридическую основу.

— Знаете, Дилоуз, было бы честнее, если бы вы провернули это огнем и мечом.

— Юрист будет учить меня честности! Знаете, Саул, я не собираюсь никого обманывать.

— Хм-м…

— …я просто хочу полететь на Луну. За это все будут платить, и именно это они получат. Так что легализируй все это и будь паинькой.

— Мне припомнилось, что по похожему поводу сказал Вандербильду его юрист: «Все и так хорошо. Зачем портить дело, подводя под него законную основу?» О'кэй, брат-разбойник, все будет выглядеть честно. Что-нибудь еще?

— Еще. Подумай сам. Может, еще что-то придумаешь. Джордж, вызови, пожалуйста, Монтгомери.

У главы отдела внешних связей Монтгомери было, по мнению Гарримана, два неоценимых качества: первое — он был его личным служащим; второе — он был способен развернуть рекламную кампанию, с целью убедить общество в том, что на леди Годиве во время ее исторического рейда

был бюстгальтер фирмы «Кариес», или в том, что вся сила Геракла выражалась в его обжорстве.

Он явился с большой папкой.

— Рад, что вы нашли время для меня, шеф. Смотрите, что я принес… — он положил папку перед Гарриманом и начал раскладывать эскизы и тексты. — Это Кински сработал — золотой парень!

— Для чего весь этот товар?

— А? Для «Нью Уорлд Хоумз».

— Убери. Мы отказываемся от «Хоумз». Погоди… не вопи. Пусть твои ребята доведут это до конца. За что уплачено, должно быть сделано. А ты займись другим, — он быстро объяснил свой новый замысел.

Монтгомери кивнул.

— Когда начнем, и сколько можно тратить?

— Сейчас. Сколько нужно, столько и трать. О расходах не беспокойся; это самое крупное наше дело.

Стронг вздохнул.

— Хорошенько все обдумайте, — продолжил Гарриман, — а завтра обсудим подробности.

— Минутку, шеф. Вы собираетесь лететь на Луну и в то же время скупить права у этих… лунных государств. И сколько вы собираетесь им дать? Не боитесь загнать себя в угол?

— Я что, здорово похож на болвана? Мы сначала получим эти права, а уж потом выпустим джинна. Это первая часть вашей с Каминзом работы.

— Хм… — Монтгомери задумчиво погрыз ноготь. — Ну, ладно, с чего начинать, мне, в общем, ясно. Когда вам нужны эти права?

— Даю вам шесть недель. Иначе заставлю тебя на собственной шкуре написать прошение об отставке и послать мне по почте.

— Лучше я напишу его сейчас, только пусть кто-нибудь подержит зеркало.

— Черт возьми, Монти, я же знаю, что шести недель вам за глаза хватит. Но поторапливайтесь: не имея в руках этих прав, мы не сможем ни цента вложить в основной проект. Если промешкаете — мы умрем голодной смертью, а уж Луны нам точно не видать.

— Ди-Ди, — сказал Стронг, — зачем тебе эти договоры с людоедами? Если тебе приспичило на Луну, давай позвоним Фергюссону и начнем делать дело.

— Мне нравится твоя прямота, Джордж, — нахмурившись, ответил Гарриман. — Году… ммм… в 1845-м или 46-м один бравый американский офицер захватил Калифорнию. Знаешь, что сделал госдепартамент?

— Нет.

— Заставил вернуть ее. Что-то этот парень недоучел или что-то нарушил. А я не хочу, чтобы так случилось с нами. Мало достичь Луны и объявить об этом, надо еще, чтобы земные суды признали наши действия законными, а то нам тошнехонько придется. Так, Саул?

Каминз кивнул.

— Вроде, как это было с Колумбом?

— Точно. Но мы не дадим себя одурачить, как Колумб.

Монтгомери выплюнул кусочек ногтя.

— Но вы же знаете, шеф, что эти бумажки от банановых правительств вместе не потянут и на ломаный грош. Почему бы разом не получить эти права от ООН? Их легче убедить, чем чертову кучу косоглазых дармоедов. Я мог бы начать с Совета Безопасности и…

— Разработай и эту идею, она тоже со временем пригодится. Ты не понял механику нашей авантюры, Монти. Конечно, эти бумаги не стоят ничего. Но есть одна тонкость — сам факт их существования, а это — главное. Смотри: мы летим на Луну, или собираемся лететь. Эти страны начинают пищать: мы мол одурачили их с помощью подставных фирм. Кому они будут жаловаться?

Ясно, Объединенным Нациям. И что же дальше? Все большие, богатые и влиятельные страны, расположены севернее, в умеренном поясе. Когда они поймут суть претензий, они посмотрят на глобус и увидят, что Луна над ними не проходит. Самая большая страна, Россия не имеет даже огорода южнее двадцать девятой параллели. Так что ООН им не поможет.

— А если нет, — продолжил Гарриман, — США могут заартачиться — ведь Луна проходит над Флоридой и югом Техаса. Вашингтон колеблется: то ли им поддерживать традиционный взгляд на землевладение, то ли идею, что Луна принадлежит всем. А поскольку первыми до Луны добрались американцы, Штаты могут предъявить свои требования. Тут мы выходим из-за ширмы и оказывается, что корабль и прочие расходы оплачены неприбыльной корпорацией под эгидой ООН.

— Постой, — прервал его Стронг. — Я и не знал, что ООН может создавать корпорации…

— Век живи, век учись, — ответил Гарриман. — Что скажешь, Саул?

Каминз кивнул.

— Такая корпорация у меня есть, я основал ее пару лет назад. Она занимается наукой и образо-

ванием и… эх, ребята, это же все покрывает! Ну, слушайте дальше: эта корпорация, детище ООН, просит свою родительницу признать лунную колонию автономной территорией под защитой Объединенных Наций. Не стоит сразу просить полного и равноправного членства, чтобы не усложнять…..

— Будто все остальное просто! — сказал Монтгомери.

— Да, просто. Эта колония станет суверенным государством де-факто, распространяя свой статус на всю Луну. Слушайте дальше: это государство сможет покупать, продавать, издавать законы, распоряжаться территорией, устанавливать монополию, собирать налоги и так далее, до бесконечности. А владеть им будем мы!

А вот причина, почему все это нам удастся: большие государства не смогут выдвинуть столь же основательные требования, как банановые государства, и не смогут договориться о дележе добычи в случае применения силы. Великие державы не позволят Штатам подмять все под себя. Проблему решат самым простым образом — передадут бразды правления ООН. А на самом деле все, от экономики до законодательства, будет принадлежать нам. Теперь ты понял, Монти,

в чем дело?

— Черт меня возьми, если понял, зачем вам это, шеф, — улыбнулся Монтгомери, — но мне это нравится. Красивое дело.

— Не думаю, — сердито проворчал Стронг. — Я не раз видел, как Дилоуз кидался в разные авантюры; временами у меня мурашки по коже бегали, но эта — самая безумная. Мне кажется, ты чересчур увлекся и пытаешься надуть весь мир.

Прежде чем ответить, Гарриман глубоко затянулся сигаретным дымом.

— Мне безразлично, Джордж, что ты об этом думаешь, и что ты думаешь обо мне. Я собрался на Луну! Если для этого понадобится надуть миллионы людей, то так тому и быть.

— Но вовсе не обязательно идти именно этим путем.

— А что бы сделал ты?

— Я? Сбил бы крепкую корпорацию и добился бы резолюции Конгресса, которая позволила бы мне представлять интересы США на Луне.

— Как? Подкупом?

— Вовсе не обязательно. Возможно, хватило бы чисто политического давления. Потом я бы изыскал деньги и вплотную занялся полетом.

— И Луной завладели бы Соединенные Штаты?

— Естественно, — не совсем уверенно ответил Стронг.

Гарриман вскочил на ноги и начал мерить ковер шагами.

— Ты ничего не понял, Джордж, ничего не понял. Луна не должна принадлежать одной стране, будь это даже наши Штаты.

— Насколько я понял, она должна принадлежать тебе.

— Знаешь, если бы я на какое-то время завладел ею, я бы не злоупотребил этим, да и другим бы не дал. Черт возьми, национализму нет места за границей атмосферы. Неужели ты не понимаешь, что произойдет, если Соединенные Штаты предъявят права на Луну? Никто этих прав не признает, и начнутся нескончаемые дебаты в Совете Безопасности. И это сейчас, когда мы только-только начали строить планы без оглядки на грядущую войну. Ты думаешь, все терпеливо будут смотреть, как Штаты нацеливают с Луны свои ракеты прямо им в макушки? Нет, господа, они тоже попытаются отломить от Луны свой кусок, ведь Луна слишком велика, чтобы одна страна могла удержать ее. Появятся чужие ракетные базы и грянет такая чудовищная война, какой еще не бывало. А виноваты будем мы.

Нет, надо сделать так, чтобы все остались довольны. Затем и нужен наш план, затем мы и должны все продумать и учесть, прежде чем возьмемся за дело.

И наконец, Джордж, если мы украсим наше дело флагом США, то знаешь, где мы окажемся в смысле бизнеса?

— У руля, — ответил Стронг.

— За бортом! Нас просто выкинут из игры. Ведомство национальной безопасности когда-нибудь заявит: «Спасибо, мистер Гарриман, спасибо, мистер Стронг. Мы все решим в интересах нашей страны, а вы можете отправляться домой». И мы пойдем домой — ждать атомной войны.

Это не по мне, Джордж, я не собираюсь выпускать джинна. Я хочу основать лунную компанию и пестовать ее, пока она не вырастет настолько, чтобы твердо стоять на ногах. Я говорю вам — вам всем! — что это величайшее дело с тех пор, как человек освоил огонь, величайшее в истории. Если мы возьмемся за него верно —, получим новый прекрасный мир. Если ошибемся — получим билет до Армагеддона в один конец. Это ключевой день, и он настанет, с нашей помощью или без. Я хочу быть первым человеком на Луне и уж постараюсь сделать все наилучшим образом.

— Кончил проповедовать, Дилоуз? — спросил Стронг.

— Нет, не кончил, — сердито ответил Гарриман. — Ты так меня и не понял. Да знаешь ли ты, кого мы можем там встретить? — он ткнул рукой вверх. — Людей!

— На Луне-то? — сказал Каминз.

— А почему не на Луне? — шепотом спросил Монтгомери у Стронга..

— Не на Луне, конечно; она свое отжила. Я бы здорово удивился, найди мы там что-нибудь живое. Я говорю о других планетах, о Марсе, Венере, спутниках Юпитера, о звездах, наконец. Вы понимаете, что будет, если мы встретим людей. Мы одни, совершенно одни — единственные разумные в единственном мире. С собаками и обезьянами особенно не поговоришь. Словно горькие сироты, мы до всего додумываемся сами. И представьте — мы находим людей, которые живут по-другому, мыслят по-другому. Конец одиночеству! Мы сможем смело смотреть на звезды и ничего не бояться. — Он кончил; вид у него был усталый и даже пристыженный, словно он сам удивлялся своей горячности. Он внимательно смотрел на собеседников.

— Чудесная речь, шеф, — сказал Монтгомери. —

Если вы не возражаете, я ее использую.

— Неужто ты все запомнил?

— А зачем? Я включил ваш диктофон.

— Ну и хитрец!

— Мы пустим пленку по видео и добавим актерскую игру.

Гарриман расплылся в мальчишеской улыбке.

— Мне сроду не приходилось играть, но если ты уверен, что у меня получится, я готов.

— О нет, шеф! — ужаснулся Монтгомери. — У вас не тот тип. Здесь подойдет Бэзил Уилкинс-Бут. Он всех купит своим органным голосом и архангельским ликом.

Гарриман глянул на свое брюшко и сердито сказал:

— О'кэй, вернемся к нашим делам. Насчет денег. В первую голову, можно собирать пожертвования через одну из неприбыльных корпораций, как обычно жертвуют на колледжи. Как думаете, много мы соберем таким образом?

— Немного, — ответил Стронг. — Эта корова почти не дойная.

— Дойная, дойная. Всегда найдутся богатые люди, которые с большей охотой раздают подарки, нежели платят налоги. Сколько заплатит человек, чтобы лунный кратер носил его имя?

— Я думал, все они уже названы, — заметил юрист.

— Далеко не все. А ведь мы хотим добраться до обратной стороны; ее вообще еще никто не видел. Но это дело пока ждет; мы просто составим список. Монти, я хочу подключить и школьников. Если сорок миллионов детей дадут по десять центов, то сложится четыре миллиона, а мы сумеем ими распорядиться.

— Но почему десять центов? — спросил Монтгомери. — Если детей по-настоящему заинтересовать, они и по доллару наскребут.

— А что мы предложим взамен, кроме чести участия в благородной кампании и все такое?

— Хм… — Монтгомери снова взялся за ноготь. — А что, если охотиться за долларами, но и займами не брезговать? За десять центов он получает членский билет клуба «Лунный свет»…

— Нет, «Юный космонавт».

— О'кэй, «Лунный свет» оставим для девочек. Кстати, не позабыть бы втянуть в наше дело скаутов обоего пола. Итак, у него есть членский билет, он приносит еще десять центов, и мы ставим в билете штамп. Когда штампов наберется на доллар, мы выдаем диплом, который можно вставить в рамку. На лицевой стороне — его имя

и какой-нибудь девиз, а на обратной — изображение Луны.

— На лицевой, — возразил Гарриман. — Выпустим их сразу большим тиражом: будет и дешевле, и солиднее. И еще мы гарантируем, что его имя будет в списках «Юных Покорителей Луны», а списки будут положены в основание монумента, что будет поставлен на месте прилунения первого корабля. На микропленке, конечно. Нужно держать марку.

— Чудесно! — воскликнул Монтгомери, — но ведь можно пойти и дальше, шеф. Когда его взносы достигнут десяти долларов, мы выдаем солидный позолоченный значок с изображением звезды, присовокупив к нему звание Старшего Фронтирера и право голоса в чем-нибудь. А имя его будет выгравировано на платиновой микропластинке и помещено в тот же монумент.

Стронг сморщился, словно лимон надкусил.

— А что будет, когда он внесет сотню долларов?

— Тогда, — весомо ответил Монтгомери, — мы выдадим ему новый билет, и пусть начинает все по-новой. Не беспокойтесь, мистер Стронг, если ребенок наберет столько — он получит достойную награду. Например, позволим осмотреть

ракету перед стартом и дадим, совершенно бесплатно, его фотографию в обнимку с пилотом на фоне ракеты, конечно, с автографом пилота.

— Обманывать детей! Фи!

— Вовсе нет, — совершенно искренне отпарировал Монтгомери. — Нечто невещественное — самый честный товар, он стоит ровно столько, сколько за него платят и никогда не изнашивается. Такие воспоминания не тускнеют до самой могилы.

— Гм…

Гарриман слушал молча, с улыбкой. Каминз откашлялся.

— Если вы, два вурдалака, уже кончили пожирать бедных детишек, послушайте мое предложение.

— Выкладывайте.

— Джордж, вы ведь собираете марки?

— Да.

— Сколько может стоить марка, погашенная на Луне?

— Что? Но это же невозможно.

— Мне кажется, мы можем без особого труда получить в почтовом департаменте такое разрешение для нашего корабля. Так на сколько бы она потянула?

— Это зависит от количества.

— То есть нужно такое минимальное число марок, которое дает максимальную прибыль. Можете сосчитать?

Стронг, отрешившись от всего, взял старомодный карандаш и принялся за подсчеты.

— Саул, — продолжил Гарриман, — мы в паре с Джорджем хотим купить часть Луны. Как насчет продажи лунных участков?

— Это несерьезно, Дилоуз. Нельзя же продавать участки до высадки на Луне.

— Я совершенно серьезен. Вы, наверное, имеете в виду законы сороковых годов, где говорится, что участки, выставляемые на продажу, должны быть исследованы и подробно описаны. Но я хочу торговать лунными участками, и мне нужна легальная основа. В идеальном варианте, я хочу продать всю Луну, включая права на полезные ископаемые.

— А если владельцы захотят занять свои участки?

— Еще лучше. Мы будем иметь право взимать налоги с проданной недвижимости. Если кто-либо не пожелает платить налоги, его участок вернется к нам. Ясно теперь, как можно это провернуть и не загреметь в тюрьму? Можно начать

с заграницы, торговать вразнос, словно билетами ирландской лотереи.

Каминз задумался.

— Можно было бы привлечь земельную компанию в Панаме, а радио- и телерекламу транслировать из Мехико. Вы действительно уверены, что сможете это продать?

— Продать можно даже снег в Гренландии, — вставил Монтгомери. — Все упирается в финансирование кампании.

— Саул, вам приходилось когда-нибудь слышать о земельном буме во Флориде? — добавил Гарриман. — Люди заочно покупали участки, продавали их втридорога и тоже заочно. Бывало, участок сменял дюжину владельцев, пока не выяснялось, что он являет собой десятифутовый клочок морского дна. Мы предлагаем гарантированный акр сухой почвы, прекрасно освещаемой солнцем за десять долларов или тысячу акров по доллару за акр. Кто откажется? Особенно, если пойдут слухи, что Луна нашпигована урановыми рудами.

— А они там есть?

— Откуда я знаю? Когда бум поутихнет, мы объявим, что намерены строить Луна-Сити, оговорив, что участки на месте строительства еще не

продавались. Не беспокойтесь, Саул, оформляйте все юридически, а мы с Джорджем сумеем это продать. Помнится, в Озарке, где участки располагались на хребте, мы умудрились продать две стороны одного и того же участка, — Гарриман задумался. — Я думаю, мы сможем оставить за собой право на полезные ископаемые — ведь там и вправду может оказаться уран.

Каминз усмехнулся.

— Дилоуз, вы в душе ребенок. Большой балованный юный разбойник!

Стронг выпрямился.

— У меня выходит полмиллиона, — сказал он.

— Какие полмиллиона? — спросил Гарриман.

— На все расходы по выпуску марок. Мы же об этом говорим. Общий тираж должен быть не более пяти тысяч — как раз хватит на серьезных коллекционеров и дельцов. И придется их придержать, пока не будет построен корабль.

— О'кэй, — согласился Гарриман. — Можно начинать! Значит, предстоит добавить еще полмиллиона, Каминз.

— Я разве не получу комиссионных? — спросил Каминз. — Я думаю…

— Вы получите благодарственный адрес и десять акров на Луне. Из чего еще мы можем

вытянуть деньги?

— А вы не думали о продаже акций? — предложил Каминз.

— Думал. Конечно, обычных акций, без права голоса, силовое давление нам ни к чему…

— Как в банановых республиках.

— Именно. Мне нужно, чтобы они попали в оборот Нью-Йоркской биржи, так что придется вам заняться этим. Это — наша витрина. Она должна быть блестящей и привлекательной.

— Не лучше ли мне переплыть Геллеспонт?

— Бросьте, Саул. У тех юристов, что ведут дела жертв дорожных инцидентов, бывает жарче.

— Не уверен.

— Будьте оптимистом. Саул.

На письменном столе вспыхнул экран, и секретарша доложила:

— Мистер Гарриман, здесь мистер Диксон. Он пришел без предварительной договоренности, но уверяет, что вы непременно захотите его видеть.

— А я — то полагал, что изолировал его, — пробормотал Гарриман. потом нажал кнопку и сказал. — О'кэй, пригласите его.

— Хорошо, сэр. О, мистер Гарриман, только что вошел мистер Энтенца.

— Зовите обоих, — Гарриман выключил связь

и повернулся к своей команде. — Ну, ребята, прикусите языки и держитесь за бумажники.

— Кто бы говорил… — заметил Каминз.

Вошел Диксон, следом — Энтенца.

Диксон сел, огляделся, начал было говорить, но прервался и снова огляделся, задержавшись взглядом на Энтенце.

— Валяйте, Дэн, — подбодрил его Гарриман. — Считайте, что перед вами желторотики, и — вперед.

— Я решил работать с вами, Ди-Ди, — решился, наконец, Диксон. — И разжился вот этими документами.

Он вынул из кармана бумагу: это был формальный отказ Финеаса Моргана от всех интересов на Луне в пользу Диксона. Точно такой Гарриман получил от Джонса.

Энтенца, глядя на него, тоже слазил в карман и достал еще три контракта того же вида: каждый был подписан кем-то из директоров синдиката.

— Вас что, Дэн, осенило? — поднял бровь Гарриман. — Сговорились?

— Мы только что встретились, — он добавил еще два контракта, мрачно улыбнулся и протянул руку Энтенце.

— Ничья, — констатировал Гарриман. Сам

он решил пока помалкивать о семи таких же бумагах, что лежали у него в столе — вчера он до полуночи висел на телефоне. — Почем вы их взяли, Джек?

— Стэнден уперся на тысяче, прочие обошлись дешевле.

— Я же предупреждал, черт подери, чтобы вы не вздували цены. Стэнден непременно проболтается. А сколько заплатили вы, Дэн?

— Не слишком много.

— Ну-ну, скрытничайте, если хотите. Итак, господа, насколько серьезно вы относитесь к этому делу? Сколько вы готовы выложить?

— А сколько нужно? — спросил Энтенца.

— Зачем темнить? — пожал плечами Диксон. — Давайте говорить конкретно. Я даю сто тысяч.

Гарриман застыл.

— Я так понимаю, что вы хотите забронировать место на первом рейсовом корабле. На это вашей сотни тысяч вполне хватит.

— Ладно, не будем спорить, Дилоуз. Сколько?

Гарриман напряженно думал, хотя внешне оставался бесстрастным. Его застали врасплох, он даже не успел обсудить затраты с главным инженером проекта. Черт возьми, почему он не обрезал телефон?

— Дон, я же говорил вам, что поначалу понадобится не меньше миллиона. Это только для того, чтобы занять место за столом.

— Ясно. А сколько нужно, чтобы остаться в игре?

— Все, что у вас есть.

— Бросьте, Дилоуз. У меня есть побольше, чем у вас.

Гарриман закурил, только этим и выдавая волнение.

— Переведите все это в доллары и передайте нам.

— А почему я должен вносить две доли?

— Ладно, ладно, вносите столько же, сколько каждый из нас. Я пригляжу, чтобы доли были равны.

— Конечно, ведь это вы ведете дело, — согласился Диксон. — Итак, я даю миллион, если будет нужно — добавлю еще. Надеюсь, вы не будете возражать, если я пришлю своего контролера?

— Я вас когда-нибудь обманывал, Дэн?

— Нет и не советую начинать.

— Присылайте кого угодно, лишь бы он умел держать язык за зубами.

— Он будет нем, как рыба. Взамен я возьму у него сердце и запру в своем сейфе.

Гарриман уже думал о дальнейших вкладах Диксона.

— Чуть попозже мы вытянем из вас и вторую долю, Дэн. Это дело влетит в денежку.

Диксон аккуратно, палец к пальцу, сложил ладони.

— В свое время мы вернемся к этому вопросу. Не стоит браться за дело, которое сворачивается из-за отсутствия капитала.

— Да будет так, — заключил Гарриман и повернулся к Энтенце. — Вы все слышали, Джек? Подходят вам условия?

Энтенца стер пот со лба.

— Я не смогу так быстро собрать миллион.

— А он нам и не нужен прямо сейчас. Время у вас есть, собирайте деньги.

— Но вы сказали, что миллион — только начало. Я не смогу субсидировать вас до бесконечности. Мне нужно посоветоваться с семьей.

— Неужели у вас нет никакой заначки? Какие-нибудь фонды, попечительства?

— Я не о том. Вы сможете меня прижать, и в конце концов — отделаться от меня.

Гарриман ждал, что скажет Диксон.

— Нет, Джек, мы не станем вас прижимать, — ответил тот. — Но вы должны будете убедить нас,

что мобилизовали все свои активы. В этом случае — можете быть спокойны.

Гарриман согласно кивнул.

— Именно так, Джек, — заметил Гарриман, прикидывая в уме, насколько весомее окажется их со Стронгом пай, если Энтенца войдет в дело не на равных с прочими.

Наверное, Стронг тоже подумал об этом.

— Не нравится мне это, — сказал он. — При четырех равноправных партнерах голоса по любому вопросу могут разделиться поровну и мы окажемся в тупике.

— Это уже мелочи, и вникать в них я не собираюсь, — пожал плечами Диксон. — Я вхожу в это дело потому, что верю в талант Дилоуза.

— Значит, полетим на Луну, Дэн?

— Не обязательно. Я верю, что дело принесет прибыль, а состоится полет или нет — не так уж важно. Вчера вечером я почитал открытые отчеты ваших компаний и нашел для себя много интересного. А тупика избежать просто — надо назначить директора с двумя голосами. Я имею в виду вас, Дилоуз. Джек, вы согласны?

— Естественно.

Гарриман изо всех сил старался не показать, как это его взволновало. Наверняка Диксон

неспроста так расщедрился — тем больше оснований держать ушки на макушке.

— Мне пора, господа, — поднялся он. — Оставляю вас на попечении Стронга и Каминза. Идемте со мной, Монти.

Он был совершенно уверен, что Каминз не скажет ничего лишнего новым партнерам, а что до Стронга — так у него левая рука не знает, сколько пальцев на правой.

Расставшись с Монтгомери, Гарриман отправился в инженерный отдел.

— Хэлло, босс, — начал Эндрю Фергюссон, главный инженер «Гарриман Энтерпрайзис». — Нынче утром мистер Стронг рассказал мне о вашей идее автоматического выключателя. Он кажется непрактичным, но только на первый взгляд…

— Наплюй на него. Точнее, перекинь кому-нибудь из мальчишек. Ты знаешь, чем мы решили заняться?

— Был слух, — ответил Фергюссон.

— Найди того, от кого пошел слух, и рассчитай его. Или… найди ему занятие в Тибете, только чтобы его не было здесь, пока мы работаем над этим проектом. Мне нужен от тебя космический корабль, да поскорее.

Фергюссон перекинул колено через подлокотник кресла, достал ножик и принялся чистить ногти.

— Вы так это говорите, босс, словно велите мне построить сортир.

— А в чем, собственно, разница? Подходящее горючее изобрели еще в сорок девятом году. Набери толковую банду и строй корабль, а я буду платить по счетам. Сам видишь, все очень просто.

Фергюссон глянул в потолок.

— Подходящее горючее… — пробормотал он, словно зачарованный.

— Вот именно. Расчеты показывают, что на водороде и кислороде вполне можно добраться до Луны и прилететь обратно. Все дело только в толковой конструкции корабля.

— Босс говорит, все дело в конструкции, — мечтательным тоном проговорил Фергюссон. Вдруг он вскочил на ноги, швырнул бумаги на стол и заорал. — Что вы смыслите в конструкциях?! Где я возьму нужную сталь?! Что я пущу на прокладки? Как я буду обсчитывать вашу чертову водородную смесь? Почему вы не дали мне построить настоящий корабль, когда у нас было настоящее горючее?

Гарриман подождал, пока он успокоится.

— И все же мы сделаем его. Так, Энди?

— Хм… вчера ночью я долго думал над этим. Дело кончилось тем, что жена прогнала меня на диван и до сих пор дуется. Так вот, мистер Гарриман, сперва нужно выбить субсидию из департамента национальной безопасности. Потом…

— К черту все это, Энди! Занимайся кораблем, а политикой и финансами займусь я и, видит бог, обойдусь без твоих советов.

— Черт возьми, Дилоуз, не вставайте на дыбы. Я говорю именно о корабле. В этом департаменте скопилась чертова куча ракетных проектов, а без контракта с правительством нам их и понюхать не дадут.

— Ну и наплевать! Чем казенные проекты лучше разработок «Скайуэйз»? Ты же сам говорил, что мы обскакали правительство по всем статьям.

Фергюссон посмотрел на своего босса с жалостью.

— Я не смогу объяснить так, чтобы вы поняли. Лучше поверьте мне на слово — нам эти проекты совершенно необходимы. Нет смысла тратить тысячи долларов, чтобы изобрести велосипед.

— Тратьте.

— Речь может пойти о миллионах.

— Тратьте хоть миллионы. Поймите, Энди, я не желаю, чтобы это дело оседлали военные, — он решил открыть все карты перед главным инженером: не стоило темнить среди своих. — Тебе в самом деле так нужны эти проекты? Неужели нельзя сманить тех ребят, которые работали на федеральное правительство, и добиться того же самого? Или, еще лучше — тех, кто на него работает сейчас?

— Как вы можете, — поджал губы Фергюссон, — ожидать от меня какой-то отдачи, если сами же вставляете палки в колеса?

— Я вовсе не собираюсь тебе мешать. Но и ты пойми, что этот проект не должен никаким концом касаться правительства. Если ты берешься за него на таких условиях — хорошо, если нет — скажи сейчас же, и я найду кого-нибудь другого.

Фергюссон начал выстукивать пальцами какой-то ритм. А потом спокойно ответил:

— Я знаю одного парня, он работал в правительственном проекте в Уайт-Сэндз. Он был там главным инженером секции. Толковый парень.

— Думаешь, он смог бы возглавить твою банду?

— Именно.

— Как его зовут? Где он? На кого сейчас работает?

— Когда правительство ни с того ни с сего прикрыло уайтсэндский проект, я подумал, что такая голова нам еще пригодится, и сманил его в «Скайуэйз». Он возглавляет отдел эксплуатации на побережье.

— Отдел эксплуатации? Нечего сказать, хорошую работенку ты ему сосватал! Значит, он уже работает на нас. Вызови его сюда! Нет, лучше… свяжись с побережьем, пусть он вылетает специальной ракетой. Тогда он поспеет прямо к ленчу.

— Я все устроил, — ответил Фергюссон. — Сегодня среди ночи я поднялся и позвонил ему. Из-за этого жена и выперла меня на диван. Он уже ждет вас. Его зовут Костэр. Боб Костэр.

Гарриман расплылся в улыбке.

— Энди! Какого же черта ты притворялся? Вот злюка! Зачем же ты кочевряжился?

— Я не кочевряжился, мистер Гарриман. Мне нравится у вас работать, но лишь до той поры, пока вы не вмешиваетесь в наши дела. Давайте сделаем так: назначим Костэра главным инженером этого проекта и дадим ему волю. Я не буду стоять у него над душой, буду лишь читать отчеты. И вы тоже оставьте его в покое, ясно?

Ничто так не бесит путного инженера, как советы неспециалиста с чековой книжкой.

— Ладно. Я не буду ему мешать, но и ты не смей, а то уволю. Мы верно поняли друг друга?

— Похоже на то.

— Тогда зови его сюда.

По-видимому, Фергюссон называл «парнями» всех мужчин моложе сорока. Костэру, на взгляд Гарримана, было лет тридцать пять. Он был высок, худ и порывист. Гарриман пожал ему руку, обнял и спросил:

— Боб, ты возьмешься строить лунную ракету?

— У вас есть икс-горючее? — не моргнув глазом, ответил Костэр, имея в виду изотопное топливо, которое до недавних пор поставлял энергетический спутник.

— Нет.

Костэр немного помешкал.

— Я могу послать на Луну автоматическую ракету, без людей.

— Не то. Нужно, чтобы она долетела до Луны, села на нее и прилетела обратно. Приземлится она сама, или ее посадят — не имеет значения.

На этот раз Костэр молчал долго. Гарриман представлял ход его мысли.

— Это будет очень дорого стоить.

— А разве об этом я тебя спрашиваю? Ты сможешь ее построить?

— Попробую.

— Попробуй изо всех сил. Ты веришь, что это возможно? Готов прозакладывать последнюю рубашку? Готов рискнуть головой? Главное — верить в себя, иначе ни черта не выйдет.

— А сколько вы готовы положить на это? Я уже говорил вам, что это — дорогая затея. Вы хорошо представляете, насколько дорогая?

— Я же говорил тебе, что деньги — моя забота. Трать, сколько понадобится, а оплачивать счета буду я. Так что скажешь — сможешь?

— Смогу. Чуть погодя я уточню, сколько понадобится денег и времени.

— Идет. Начинай прямо сейчас, набирай команду. Откуда будем стартовать, Энди? — повернулся он к Фергюссону. — Из Австралии?

— Нет, — ответил за того Костэр. — Австралия не подойдет. Стартовать нужно в горах — это сэкономит нам целую ступень.

— А какие нужны горы? — спросил Гарриман. — Пайкс-Пик подойдет?

— Нет, — возразил Фергюссон, — понадобятся Анды. Они и выше, и ближе к экватору. Кроме того, у нас или у «Эндз Дэвело-пмент Компани»

там есть кое-какое нужное оборудование.

— Что ж, Боб, тебе виднее. Я бы предпочел Пайкс-Пик, но твое слово — последнее, — Гарриман подумал, как здорово было бы заложить первый космопорт Земли на территории Штатов и как чудесно выглядел бы первый старт — ведь Пайкс-Пик виден с востока на сотни миль.

— Позднее я уточню, мистер Гарриман.

— Теперь решим вопрос о гонораре. Говори честно, сколько ты хочешь?

— Кофе и кексы, — отмахнулся Костэр.

— Не сходи с ума…

— Я еще не кончил. Кофе и кексы — только часть гонорара. Я хочу лететь сам.

Гарриман кивнул.

— Это я хорошо понимаю, — проговорил он. — Ладно, это я тебе обещаю. Если ты не пилот, закладывай все из расчета на троих человек.

— Я не пилот.

— Вот я и говорю — на троих. Видишь ли, я тоже хочу полететь.

4

— Хорошо, что вы надумали работать с нами, Дэн, — сказал Гарриман. — Иначе бы вы много потеряли. Я собираюсь прибрать к рукам энергию.

— Вот как? И каким же образом? — Диксон намазывал рогалик маслом.

— Мы поставим мощный реактор, наподобие аризонского, на обратной стороне Луны. Управлять процессом будем дистанционно, так что если он и взорвется — наплевать. За неделю я получу больше изотопного горючего, чем весь наш синдикат за три месяца. Я не собираюсь ни с кем конкурировать, просто мне нужно горючее для космических кораблей. Если мне не дают его на Земле — я получу его на Луне.

— Забавно. А где вы возьмете уран? Я слышал, что Комиссия по атомной энергии распределила его на десять лет вперед.

— Неужели не догадываетесь? Уран, мы добудем на Луне.

— Разве на Луне есть уран?

— А вы и не знали? Я-то думал, что именно из-за него вы и вошли в наше дело.

— Не знал, — задумчиво ответил Диксон. — Чем вы это докажете?

— Я? Ведь я не ученый, Дэн, но, по-моему, тут ничего и доказывать не надо. Мне приходилось слышать о данных спектроскопии… или еще о чем-то в этом роде. Поговорите с учеными, но исподволь, не показывая явного интереса. Чем меньше народу будет знать об этом, тем лучше, — Гарриман поднялся. — Пора бежать, а то я опоздаю на ракету в Роттердам. Спасибо за ленч, — он взял шляпу и быстро вышел.

Гарриман поднялся из кресла.

— Послушайте, мингер ван дер Вельде, давайте, заключим пари. Геологи в один голос говорят, что алмазы — результат вулканической активности. Что же, по-вашему, ждать от Луны, — он положил перед голландцем большую фотографию.

Торговец бриллиантами равнодушно посмотрел на снимок Луны. Кратеров было не менее тысячи.

— Туда еще надо добраться, мистер Гарриман.

Гарриман убрал фотографию.

— Доберемся, будьте уверены. И алмазы найдем. Возможно, не сразу, но лет через двадцать, от силы — сорок мы отыщем большое месторождение. Я обратился к вам, чтобы загодя мирно

урегулировать возможные конфликты. Только полный кретин берется за большое новое дело, не учитывая всех последствий. Я не люблю скандалов и паники. Я вас предупредил, а теперь — прощайте.

— Присядьте, мистер Гарриман. Довольно непривычно, когда пекутся о твоей выгоде. Лучше расскажите, каких выгод вы ждете для себя, а потом мы обсудим, каким образом можно защитить алмазный рынок от инфляции.

Гарриман снова сел.

Гарриман любил Голландию. Его умилял и молочный возок, и деревянные башмаки на ногах возницы. Он без устали щелкал фотоаппаратом, не подозревая, что все это заведено специально для туристов. Он навестил еще нескольких торговцев алмазами, но о Луне уже не говорил. Среди прочего он купил брошь для Шарлотты — в качестве белого флага.

Потом он спецрейсом отправился в Лондон, поговорил с представителями алмазного синдиката в Англии, обстряпал у Ллойда страховку на подставных лиц — от успешного полета на Луну, — и связался со своим офисом. Он выслушал отчет о текущих делах и узнал, что Монтгомери отправился в Нью-Дели. Он позвонил и туда,

долго говорил с Монти…

На следующее утро он уже был в Петерсон-Филд, к югу от Колорадо-Спрингс. Он явился в собственные владения, но на космодром его едва пустили. Конечно, можно было позвонить Костэру и все решилось бы в одну минуту, но Гарриман хотел сперва осмотреться сам. Вызвали начальника охраны — он, по счастью, знал Гарримана в лицо, и тот пропустил шефа на территорию. Больше часа он бродил по цехам, трехцветный значок на лацкане позволял ему ходить где угодно.

Механики работали на средних оборотах, двигателисты — тоже, но в других цехах было пусто. Гарриман пошел к инженерам. Чертежники и математики пахали вовсю, но в отделе агрегатирования его встретила тишина, в металлургической лаборатории — тоже. Он собрался было идти дальше, но тут перед ним вырос Костэр.

— Мистер Гарриман! Мне только что сказали, что вы здесь.

— Проклятые шпионы! — воскликнул Гарриман. — Мне не хотелось тебя беспокоить.

— Какое беспокойство! Идемте ко мне в кабинет.

Они расположились в кабинете, и Гарриман

спросил:

— Ну, Боб, как твои дела?

— Вроде бы хорошо, — ответил Костэр, но нахмурился.

Гарриман заметил, что стол инженера завален бумагами, и корзина тоже полным-полна. Прежде чем Гарриман успел сказать хоть слово, на селекторе зажегся огонек.

— Мистер Костэр, — донесся мелодичный женский голос, — вас вызывает мистер Моргенштерн.

— Скажите, что я занят.

— Сэр, он говорит, что у него очень срочное дело, — сказал селектор минуту спустя.

— Извините, мистер Гарриман, — вид у Костэра был озабоченный. — Ладно, давайте его.

— Наконец-то, — на это раз говорил мужчина. — Почему меня с вами не соединяют? Шеф, мы здорово влипли с этими грузовиками — всем им нужен капитальный ремонт. Оказывается, «Уайт Флинт Компани» за это не отвечает, так и в контракте написано. Мне кажется, нам нужно расторгнуть этот контракт и заключить новый, с «Пик-Сити Транспорт». Они предлагают выгодные…

— Займитесь этим! — оборвал его Костэр. — Вы

заключили контракт, вам его и расторгать.

— Да, шеф, но вам это будет удобнее. Это вопрос вежливости…

— Займитесь этим. Мне наплевать, что вы будете делать, лишь бы у нас был транспорт.

Он выключил селектор.

— Кто это? — спросил Гарриман.

— Моргенштерн. Клод Моргенштерн, мой помощник.

— Рассчитай его.

Костэр нахмурился. Прежде чем он успел ответить, пришла секретарша с ворохом бумаг. Он не глядя подписал их и отослал девушку.

— Это не приказ, — продолжил Гарриман, — просто деловой совет. Я не стану командовать через твою голову. Можешь ты уделить мне несколько минут?

— Естественно, — удивленно ответил Костэр.

— Гм… тебе ведь никогда не приходилось бывать таким большим начальником?

Костэр чуть помедлил, потом кивнул.

— Я пригласил тебя потому, что Фергюссон уверен в тебе. Он говорит, что уж если ты не построишь лунную ракету, ее не построит никто, и я с ним согласен. Но одно дело — инженерная работа и совсем другое — административная.

Сейчас я покажу тебе пару фокусов, — он немного помолчал. — Пойми, я не критикую тебя, но бизнес — это как секс: его не узнаешь, пока не займешься вплотную.

Про себя Гарриман уже решил выставить Костэра, если тот будет стоять на своем, и пусть Фергюссон говорит что угодно. Костэр помолчал, побарабанил пальцами по столу.

— Я не понимаю, шеф, отчего все идет наперекосяк. Наверное, все дело во мне самом. У меня такое ощущение, будто я все время плыву против течения.

— Ты много работал в последние дни?

— Насколько это было возможно, — он обреченно махнул рукой в сторону второго стола, что стоял в углу. — Вчера сидел до глубокой ночи.

— Вот это и плохо, Боб. Ты нужен мне как инженер. Все вокруг тебя должно крутиться, а твой кабинет должен быть тих, как могила. А у вас тут все наоборот — ты крутишься, а цехи похожи на кладбища.

— Знаю, — Костэр на миг погрузил лицо в ладони. — Но смотрите, шеф, что получается: каждый раз, когда я пробую решать техническую проблему, какой-нибудь кретин отрывает меня разговорами про грузовики, телефонные аппара-

ты и прочее. Мне очень жаль, что я не оправдал рекомендации мистера Фергюс-сона… Мне казалось, я смогу…

— Не расстраивайся, Боб, — мягко сказал Гарриман. — Тебе, во-первых, нужно отоспаться. Вот что мы сделаем: я посижу за этим столом пару дней и займусь административными делами. Мне нужно, чтобы ты думал о векторах, горючем и скорости истечения, а не о грузовиках.

Гарриман вернулся в приемную — там сидел какой-то человек, который вполне сходил за клерка.

— Эй вы! Идите-ка сюда!

Тот явно удивился, но поднялся и подошел к Гарриману.

— В чем дело?

— Я хочу, чтобы вон тот стол и все, что есть на нем, перенесли в пустой кабинет на этом же этаже.

— А кто вы такой?

— Не все ли равно?

— Делайте, что вам говорят, Вебер, — вмешался Костэр.

— Даю на все двадцать минут, — закончил Гарриман.

Он подошел к селектору, нажал кнопку и через

несколько секунд уже говорил с управляющим «Скайуэйз».

— Привет, Джим. Этот парень, Джок Беркли, у тебя под рукой? Пошли его спецрейсом в Петерсон-Филд. Я хочу, чтобы он вылетел сюда через десять минут… — он послушал, что ему ответят, потом возразил. — Нет, Джим, «Скайуэйз» не развалится без него, а если развалится, значит, мы ошиблись в управляющем… Ладно, ладно, потом прищучишь меня на чем-нибудь, а пока — пришли мне Джока. До скорого…

Он проследил за переселением Костэра и его письменного стола в новый кабинет, велел отключить там телефон и добавить к обстановке диван.

— Сюда принесут все, что тебе нужно — кульман, проектор, стеллажи — только составь список. Если что-нибудь понадобится — позови меня.

Потом Гарриман вернулся в кабинет и с наслаждением погрузился в работу, разбираясь, что к чему и что не так.

Через четыре часа он снова зашел к Костэру, но уже с Джоком Беркли. Главный инженер спал прямо за столом, подложив руки под голову. Гарриман хотел тихо выйти, но Костэр уже вскочил.

— Ой! Извините, шеф! — он покраснел как мальчишка. — Я, кажется, задремал.

— Для этого у тебя теперь есть диван, — сказал Гарриман, — на нем спать удобнее. Вот, Боб, познакомься со своим новым рабом, его зовут Джок Беркли. Ты останешься боссом и главным инженером, а Джок становится твоей правой рукой. Так что беспокоиться тебе теперь придется только о мелочах — например, о строительстве корабля.

Костэр и Беркли пожали друг другу руки.

— Мистер Костэр, — серьезно сказал Джок, — я вас прошу: перебрасывайте мне все, что не касается технической стороны дела. Впрочем, и это тоже, если растолкуете мне, что к чему. Я распоряжусь, чтобы между нашими кабинетами наладили прямую связь.

— Чудесно! — воскликнул Костэр. Гарриману даже показалось, что главный инженер помолодел лет на пять.

— Так что нажмите на кнопку, свистните — и все будет сделано, — Беркли оглянулся на Гарримана. — Босс хочет поговорить с вами о вашей работе, а я пойду, займусь своей.

Он вышел.

Костэр и Гарриман сели.

— Уффф! — сказал Костэр.

— Полегчало?

— Мне понравился этот парень.

— Вот и отлично, с этого дня он — твоя тень. Он поставит дело так, что тебе ни о чем не придется беспокоиться. Когда я работал с ним, мне казалось, что я отдыхаю в дорогом санатории. Кстати, где ты живешь?

— В Колорало-Спрингс, в пансионате.

— Никуда не годится. Где уж тебе успеть выспаться, — Гарриман связался с Беркли. — Джок, устрой номер в Бродмуре на вымышленное имя для мистера Костэра.

— Ясно.

— И переоборудуй под жилье соседнюю с его кабинетом комнату.

— Ясно. Все будет готово к вечеру.

— А теперь, Боб, давай поговорим о корабле. На какой мы сейчас стадии?

Следующие два часа они обсуждали строительство корабля. Оказалось, Костэр успел кое-что придумать и рассчитать, прежде чем его затянуло в административный омут. Гарриман мало смыслил в математике, если не считать финансов, но подробно читал все, что мог достать, о космических полетах и, таким образом, мог следить за

мыслью Костэра.

— Я не вижу здесь ничего, связанного с горной катапультой, — сказал он.

— А! — Костэр поморщился. — Тогда я, пожалуй, погорячился, мистер Гарриман.

— А в чем дело? Ребята Монтгомери уже расписывают, как прекрасен будет старт в горах. Я уже собрался сделать Колорадо-Спрингс космической столицей мира. За чем дело стало?

— За временем и деньгами.

— О деньгах не беспокойся; это — мое дело.

— Остается время. Я продолжаю считать, что лучший способ разогнать ракету — линейный электромагнитный ускоритель, — он быстро набросал схему. — Вот такой. Он позволил бы отказаться от основной ступени ракеты — она громоздка, весит больше всех остальных и ужасно малоэффективна. Но что нам делать? Мы не можем построить эстакаду в несколько миль высотой — она рухнет под собственным весом. Остаются горы. Пайкс-Пик не лучше и не хуже других. Но нам нужно переделать его, нужен наклонный туннель от низа до верха, причем достаточно широкий, чтобы прошел любой груз.

— Пустите его отвесно.

— Не получится, я уже думал об этом. Для таких

подъемников не годится ни один сплав. Придется пересчитывать катапульту, а это, поверьте мне, то же самое, что строить внутри корабля железную дорогу. Так или иначе, придется долбить шахту. Она должна быть во много раз больше корабля, как ствол ружья во много раз длиннее пули. Да, мы сможем построить такую катапульту, но не сейчас, а лет через десять, если не больше.

— Тогда оставь ее. Построим ее для следующего полета. Хотя, постой, а нельзя ли изогнуть тоннель в самом конце?

— Я уже думал об этом. Здесь проблем еще больше. Помимо пересчета катапульты, нам придется перестраивать корабль, чтобы он выдержал огромные боковые нагрузки, вес этих конструктивов окажется паразитным и в дальнейшем будет нам только мешать.

— Так что же ты решил, Боб?

— Придется вернуться к старой доброй многоступенчатой ракете.

5

— Монти…

— Слушаю, шеф.

— Ты никогда не слышал такую песню? Там еще есть слова: «Луна для всех нас и для нас с тобой. Все самое лучшее в жизни — для всех…»

Он тут же напел мотив, отчаянно фальшивя.

— Нет, шеф; пожалуй, никогда не слышал.

— Ты был еще очень мал, когда она была популярна. Раскопай-ка ее. Я хочу ее оживить, пусть ее все напевают.

— О'кэй. — Монтгомери достал блокнот. — Когда нужен пик популярности?

— Пожалуй, месяца через три, — подумав, ответил Гарриман. — А припев нужно использовать для рекламы.

— Ясно.

— А как дела во Флориде?

— Мы купили тамошних законодателей, а потом пустили слух, будто Лос-Анджелес купил на Луне участок, и право на него имеют все жители города. Уверен, они не захотят плестись в хвосте.

— Хорошо, — кивнул Гарриман. — Как ты дума-

ешь, а сколько можно содрать с Лос-Анджелеса за такой участок?

— Обдумаю, — Монтгомери снова черкнул в блокноте.

— Ладно, Флориду ты обработал, а теперь, надо думать, займешься Техасом?

— Да, причем вплотную. Прежде всего, пустим кое-какие слухи.

Заголовок из «Баннера», Даллас и Форт-Уэрт:

«ЛУНА ПРИНАДЛЕЖИТ ТЕХАСУ!!!»

«…вот так, ребята, обстоят дела на сегодня. Присылайте нам свои сочинения и помните: первый приз — участок на Луне в тысячу акров, свободный от налогов, второй — точная модель космического корабля длиною шесть футов. Есть еще пятьдесят третьих призов — шотландские пони с упряжью.

Итак, ваше сочинение должно называться „Почему я хочу полететь на Луну“ и содержать не более сотни слов. Оцениваться будут не литературные красоты, а искренность и оригинальность. Посылайте ваши работы Дядюшке Таффи, почтовый ящик № 214, Хуарец, Олд-Ме-

хико».

Гарриман прошел в кабинет президента «Мока-Кока Компани» («Только у Мока настоящая Кока»). У двери он задержался и приколол к лацкану двухдюймовый значок.

Паттерсон Григгс встал ему навстречу.

— Рад, что вы почтили меня своим визитом, Ди-Ди. Садитесь и… — он осекся, улыбка сошла с лица. — Зачем вы нацепили это? Взбесить меня хотите?

Он имел в виду значок на лацкане Гарримана — бледно-желтый диск, на котором была черная надпись «6+». Это была торговая марка единственного серьезного конкурента «Мока-Кока Компани». Гарриман отцепил значок и положил в карман.

— Нет, — ответил он, — хотя я вполне понимаю вашу реакцию. Кстати, на улице мне иногда встречаются малыши с такими вот значками. Нет, Пат, я не хочу вас бесить; наоборот — хочу дать дружеский совет.

— Что вы имеете в виду?

— Когда я вошел, мой значок был для, вас такого же размера, как полная Луна для земного наблюдателя. Вы легко разобрали, что написано на

значке, верно? Можете не отвечать — вы заорали на меня прежде, чем я успел сделать хоть шаг.

— Ну, и что с того?

— А что бы вы сказали, и что бы сказали ваши покупатели, если бы эти «шесть с плюсом» были не на свитере школьника, а на Луне?

— Не надо так шутить, Ди-Ди, — ответил Григгс. — У меня сегодня был трудный день.

— Я не шучу, Пат. Вы, наверное, слышали, что я собираюсь на Луну. Надо вам сказать, что это дело очень дорогостоящее; даже для меня. Пару дней назад ко мне пришел один человек — я не назову его имени, но вы и так догадаетесь — одним словом, он представлял фирму, желающую купить права на лунную рекламу. Они знают, что мы не гарантируем успеха, но готовы рискнуть. Сперва я не понял, что он задумал, потом решил, что он шутит. Честно сказать, он меня озадачил. Посмотрите-ка сюда… — Гарриман развернул на письменном столе Григгса большой чертеж. Если выстрелить пиротехническими ракетами таким образом, они разбросают угольную пыль там, где нужно. На Луне нет воздуха и пыль там может лететь, словно камень из пращи. А вот результат. — Он перевернул чертеж: поверх бледного контура Луны было выведено черным — «6+».

— Так вот что придумали эти отравители!

— Конечно, этот чертеж лишь в общих чертах иллюстрирует идею, но «шесть с плюсом» — это всего два знака, они получатся вполне разборчивыми.

Григгс уставился на роковую цифру.

— Я не верю, что это сработает.

— Пиротехники гарантируют, что сработает, если я смогу перебросить оборудование. Это обойдется не так уж дорого. При лунном тяготении нет нужды в больших ракетах.

— Люди не позволят! Это же святотатство!

— Хотелось бы, — печально отозвался Гарриман. — Но ведь люди не возражают против рекламы на облаках и коммерческого телевидения.

Григгс пожевал губами.

— Но почему вы явились ко мне? — раздраженно спросил он. — Вы же знаете, что нашу рекламу на Луне не нарисуешь: слишком много букв.

Гарриман кивнул.

— Именно поэтому, Пат. Для меня это не только бизнес, это моя мечта, моя душа. Меня корчит от одной мысли о том, что кто-то будет поганить Луну, превращая ее в афишную тумбу. Я согласен, это небывалое святотатство. Но эти шакалы

пронюхали, что мне нужны деньги. Они знали, что я не могу просто послать их ко всем чертям. Я ничего им не обещал, сказал, что дам ответ в четверг. Дома я никак не мог уснуть — все думал об этом. А потом я вспомнил о вас.

— Обо мне?

— О вас и о вашей фирме. У вас делают хороший продукт, но и хорошему нужна реклама. Я подумал, что Луну все-таки можно использовать для рекламы и при этом вовсе не обязательно пятнать ее. Представьте: ваша компания покупает права на лунную рекламу, но клятвенно обещает никогда ими не пользоваться. Представляете, как это можно подать? Представьте рекламу: парень с девушкой под Луной и с бутылочкой «моки». Представьте, что единственным напитком, который возьмут с собой первооткрыватели, будет именно «мока». Да что я вам говорю; вы же видите все это лучше меня. — Он посмотрел на часы. — Мне пора, Пат. Я не собираюсь на вас давить. Если захотите иметь с нами дело — дайте знать до завтрашнего полудня, а Монтгомери обговорит подробности с вашими рекламщиками.

Шеф большой и влиятельной газеты принял его почти сразу — привилегия магнатов и министров. И снова Гарриман, едва переступив порог,

нацепил на лацкан значок.

— Хэлло, Дилоуз, — сказал издатель. — Я слышал, вы продаете самую большую сырную голову. — Тут он увидел значок. — Если вы хотели пошутить, то у вас это плохо получилось.

Гарриман отколол значок: на нем были уже не «шесть с плюсом», а серп и молот.

— Нет, — ответил он, — это не шутка, это кошмар. Мы-то с вами, полковник, понимаем, что коммунистическая угроза не миновала.

Чуть погодя они беседовали так дружелюбно, словно газета полковника никогда не называла лунный проект беспочвенной авантюрой.

— Но как к вам попали эти планы? — спросил издатель. — Их выкрали?

— Скажем так — скопировали, — ответил Гарриман, не думая, насколько его слова соответствуют истине. — Разве это важно? Главное для нас — оказаться там раньше. Мы не можем допустить, чтобы русские поставили там свои базы. Мне часто снится один и, тот же кошмар: я просыпаюсь, развертываю газету и вижу аршинные заголовки, что, мол, русские — скажем тринадцать мужчин и две женщины — высадились на Луне и объявили об организации Лунной Советской Республики. Что они послали прави-

тельству СССР петицию с просьбой о включении в состав Союза, а те, ясно, с радостью согласились. Не знаю, планируют ли они нарисовать серп и молот во всю Луну, но, согласитесь, это вполне в их духе. Вспомните хоть их плакаты.

Издатель притушил сигару.

— Давайте посмотрим, что можно сделать. Чем я могу вам помочь?

6

— Мистер Гарриман?

— Слушаю.

— Здесь снова мистер Ле Круа.

— Скажите ему. что я не принимаю.

— Да, сэр… Но мистер Ле Круа говорит, что он пилот космического корабля.

— Черт побери, я пилотов не нанимаю. Пошлите его в «Скайуэйз».

Вместо секретарши на экране вдруг возник незнакомый мужчина.

— Мистер Гарриман, я — Лесли Ле Круа, сменный пилот «Шарона».

— Да будь вы хоть самим архангелом Гаври… Как вы сказали? «Шарона»?

— Да, «Шарона». Мне нужно поговорить с вами.

— Заходите.

Гарриман поздоровался с пилотом, предложил сигарету и с интересом оглядел его. «Шарон», транспортная ракета погибшего спутника, была почти настоящим космическим кораблем, а ее пилот, погибший при взрыве спутника, вполне

мог считаться первым космонавтом.

Гарриман удивился, как он упустил из виду, что у «Шарона» был и сменный пилот. Конечно, он знал об этом, но все, связанное со спутником и транспортным челноком, отошло на второй план. Он списал все это в убыток и забыл, но теперь с интересом смотрел на пилота.

Тот держался спокойно и уверенно. Это был человек невысокого роста, но хорошо сложенный, с тонкими чертами умного лица и крепкими руками.

— Итак, капитан Ле Круа, что вы хотите?

— Вы строите космический корабль?

— Кто вам сказал?

— Строится лунный корабль, и поговаривают, что за всем этим делом стоите вы.

— А если и так?

— Я должен его пилотировать.

— Почему именно вы?

— Потому что лучше меня пилота нет.

Гарриман глубоко затянулся сигарным дымом.

— Докажите это — и штурвал ваш.

— Вот это настоящий разговор, — Ле Круа поднялся. — Я оставлю свой адрес у секретарши.

— Постойте, я ведь сказал «если». Давайте поговорим подробнее. Я и сам собираюсь лететь, так

что мне не безразлично, кто поведет корабль.

Они долго говорили о межпланетных путешествиях, о ракетах, о Луне и о том, что их там ожидает. Гарриман оттаял — он впервые встретил человека, чьи мечты так совпадали с его собственными. Про себя он уже решил, что примет Ле Круа, и незаметно перевел разговор в деловое русло.

— Все это прекрасно, Лес, — сказал он под конец, — но сейчас надо вкалывать и вкалывать, иначе не бывать нам на Луне. Поезжай в Петерсон-Филд и познакомься с Бобом Костэром, а я ему позвоню. Если вы поладите — подпишем контракт. — Он написал несколько слов, протянул бумажку пилоту. — Когда будешь выходить, передай это мисс Перкинс, она поставит тебя на довольствие.

— Это не к спеху.

— Есть всем нужно время от времени.

Ле Круа взял листок, но уходить пока не собирался.

— Шеф, я не могу понять одну вещь.

— Да?

— Зачем вам химическая ракета? Я-то полечу на любой, но зачем возвращаться назад? Насколько мне известно, ваш «Сити оф Брисбен» строился

для изотопного горючего.

Гарриман уставился на пилота.

— Ты в своем уме, Лес? Спрашиваешь свинью, почему она не летает… Никакого Х-горючего нет, и не будет до тех пор, пока мы сами не начнем производить его на Луне.

— Кто вам сказал?

— Что ты имеешь в виду?

— Я слышал, что Комиссия по атомной энергии распределила часть Х-горючего для дружественных стран, но они не готовы им воспользоваться. Горючее им отгрузили. Что скажете?

— Я знаю, Лес, что некоторые страны Центральной и Южной Америки урвали для себя Х-горючее по политическим мотивам, но кусок оказался им не по зубам. Мы его откупили и использовали у себя, чтобы погасить энергетический кризис. — Гарриман нахмурился. — Вот тут-то я и проморгал. Надо было заполучить хоть немного для себя.

— Вы уверены, что ничего не осталось?

— Конечно. Хотя… нет, не уверен. Этим надо срочно заняться. До свидания, Лес.

Помощники Гарримана провели расследование и узнали, что Коста-Рика не возвратила в Штаты ни фунта Х-горючего. Оно было нужно для

электростанции, почти готовой ко времени гибели спутника. Еще одно расследование показало, что электростанция эта так и не была достроена.

Монтгомери побывал и в Манагуа. В никарагуанском правительстве произошли изменения, и надо было узнать, по-прежнему ли прочны позиции местной лунной корпорации. Гарриман послал ему шифровку, предписывая найти Х-горючее, купить его и переправить в Штаты. Потом он поехал к председателю Комиссии по атомной энергии.

Тот встретил Гарримана очень любезно и с готовностью выслушал, зачем ему нужна лицензия на хранение и эксперименты с Х-горючим.

— Все это должно пройти по обычным каналам, мистер Гарриман.

— Естественно. Но сначала мне хотелось знать вашу позицию.

— Но ведь не я один все решаю… обычно, мы следуем рекомендациям нашего технического отдела.

— Не морочьте мне голову, Карл. Все знают, что вы крутите Комиссией, как хотите, и что основные запасы Х-горючего — у вас.

— Послушайте, Ди-Ди, если вы не можете достать Х-горючее, зачем же вам лицензия?

— Это мое дело.

— Гм… мы не так уж жестко контролировали его распределение — Х-горючее не годится для оружия массового поражения, но, как вы знаете, свободного горючего нет.

Гарриман молчал.

— Вы, конечно, сможете получить лицензию на Х-горючее, но только не для ракеты.

— Почему?

— Вы ведь строите космический корабль?

— Кто вам сказал?

— Теперь вы мне морочите голову, Ди-Ди. Знать о таких вещах — моя работа. Вы не сможете использовать Х-горючее для ракеты, даже если достанете его. Впрочем, вы его не достанете.

Председатель Комиссии подошел к книжному шкафу и вернулся с небольшой книжкой под названием «Теоретическое исследование стабильности некоторых изотопных топлив. — Соображения о катастрофе энергетического спутника и космического корабля „Шарон“». На обложке, среди служебных номеров стоял штамп «СЕКРЕТНО».

Гарриман отстранил книжицу.

— Мне некогда ее читать, кроме того, я все равно ничего не пойму.

Председатель усмехнулся.

— Так и быть, я растолкую вам, что к чему. Учтите, Ди-Ди, я связываю вам руки, посвящая в государственную тайну.

— Не желаю ее слушать!

— Не пытайтесь использовать Х-горючее для ракеты, Ди-Ди. Оно подходит для электростанций, но в космосе в любой момент может превратиться в бомбу. Этот отчет объясняет, почему.

— Черт возьми, но ведь «Шарон» летал три года кряду.

— Вам просто повезло. Мы полагаем — кстати это конфиденциальная информация — что «Шарон» послужил детонатором для энергетического спутника, а не наоборот, как считали вначале. Радары показали, что спервa рванул корабль, а уж потом — спутник. Теоретические исследования подтвердили — Х-горючее слишком опасно для ракет.

— Это смешно! Х-горючее используют на электростанциях. Почему же они не взрываются?

— Дело в защитных экранах. На «Шароне» их почти не было, и Х-горючее постоянно было под жестким космическим излучением. Если хотите, я позову наших физиков или математиков — они объяснят подробнее.

Гарриман помотал головой.

— Вы же знаете — я не говорю на их языке. Полагаю, тут уже ничего не поделаешь?

— Боюсь, что ничего. Мне очень жаль, Ди-Ди. — Гарриман поднялся, но председатель задержал его. — Надеюсь, вы не станете обращаться к моим подчиненным?

— Нет, конечно. Зачем?

— Вот и хорошо. Может быть они и не гении — на государственной службе трудно создать условия для творческого роста — но все они абсолютно неподкупны. Любую попытку повлиять на них я расценю как тяжкое оскорбление.

— Вот как?

— Вот так. Кстати, в колледже я занимался боксом и до сих пор — в хорошей форме.

— Гм… А мне не пришлось учиться в колледже, зато я хорошо играю в покер. — Гарриман вдруг широко улыбнулся. — Не беспокойтесь, Карл, я не буду совращать ваших ребят. Это было бы гнусно — все равно, что предлагать взятку нищему. Бывайте здоровы…

Вернувшись в свой офис, Гарриман вызвал одного из самых доверенных клерков.

— Пошлите Монтгомери еще одну шифровку. Пусть он везет груз не в Штаты, а в Панама-Сити.

Потом он продиктовал письмо Костэру, предлагая остановить монтаж «Пионера» и заняться «Санта-Марией», бывшей «Сити оф Брисбен».

Он решил, что стартовать придется за рубежами Соединенных Штатов. Учитывая позицию Комиссии по атомной энергии, нечего было и пытаться перебазировать туда же «Санта-Марию»: все сразу вылезет наружу.

Кроме того, сначала ее надо было снабдить горючим, а уж потом перебазировать. Он придумал лучше — снять с линий «Скайуэйз» ракету типа «Брисбен» и послать ее в Панаму, а с «Санта-Марии» снять силовую установку и послать туда же. Костэр сможет подготовить новый корабль месяца за полтора, и можно будет отправляться на Луну!

Пропади оно пропадом, это космическое излучение. Летал же «Шарон» три года до взрыва. Они слетают на Луну, докажут, что это возможно, а уж потом, на досуге, поищут безопасное горючее. Главное — полет. Если бы Колумб ждал, пока появится безопасный корабль, европейцы до сих пор сидели бы в Европе. Нужно ловить счастливый случай за хвост.

Он занялся было корреспонденцией, но тут на экране возникла секретарша.

— Мистер Гарриман, с вами хочет поговорить мистер Монтгомери.

— Он уже получил мою шифровку?

— Не знаю, сэр.

— Ладно, соединяйте.

Монтгомери еще не получил вторую шифровку, но у него были новости: Коста-Рика продала все изотопное горючее энергетическому ведомству Ее Величества сразу же после катастрофы спутника. На сегодняшний день ни унции Х-горючего не осталось ни в Коста-Рике, ни в Англии.

Монтгомери исчез с экрана, а Гарриман все сидел неподвижно и думал о чем-то. Потом вызвал Костэра.

— Боб, Ле Круа у тебя?

— Момент… мы собирались пообедать. Да, пока здесь.

— Привет, Лес. Ты подбросил чудесную идею, но она не сработала. Кто-то украл младенца.

— Что? Ага, понял. Жалко.

— Наплюй. Пойдем прежним путем. Мы будем на Луне?

— Конечно!

7

Из июньского номера «Попьюлар Текникс»:

> УРАНОВЫЕ ЗАЛЕЖИ НА ЛУНЕ
> *Статья об индустрии будущего.*

Из «Холидей»:

> УИКЭНД НА ЛУНЕ
> *Обсуждаем результаты опроса среди ваших детей.*

Из «Американ Санди Мэгэзин»:

> АЛМАЗЫ НА ЛУНЕ?
> *Крупнейшие ученые считают, что в лунных кратерах обязательно найдут алмазы.*

— Конечно, я полный профан в электронике, Клем, но кое-что мне все же втолковали. Вы ведь можете сфокусировать передающий луч и уловить направление с точностью до градуса?

— Можем… если воспользоваться достаточно большим рефлектором.

— Места нам хватит. Земля занимает два градуса на лунном небосводе. Конечно, между планетами большое расстояние, но зато нет никаких потерь мощности сигнала, никаких помех. Стоит поставить там оборудование, и передачи станут не дороже обычных и уж конечно дешевле, чем через ретрансляторы на вертолетах.

— Фантастика, Дилоуз.

— Никакой фантастики. Как добраться до Луны — мое дело, а как только мы окажемся там, телесвязь через Луну станет чисто технической проблемой, даю голову на отсечение. Но если это вас не интересует, я найду кого-нибудь другого.

— Я не говорил, что не интересует.

— Тогда — решайтесь. Знаете, Клем, я не хочу соваться в ваши дела, но разве у вас не было трудностей, когда погиб ретранслятор на нашем энергоспутнике?

— Вы знаете ответ, так что не сыпьте соль на мои раны. Сколько расходов, а взамен — пшик.

— Я не об этом. Что вы скажете о цензуре?

Телевизионщик воздел руки.

— Не говорите при мне этого слова! Как можно вести дело, когда разные пуритане хватают за руки и указывают, что я могу сказать, а что не могу, что я могу показать, а что — ни в коем случае.

От них с ума сойти можно. Они не могут понять очевидной вещи: взрослого человека нельзя кормить одним молочком, на том лишь основании, что младенцы не едят бифштексов. Я бы горло перегрыз этим проклятым елейным…

— Тише, тише, — успокоил его Гарриман. А вы не думали, что передачи можно вести прямо с Луны, и тогда никакие цензоры не смогут к вам придраться?

— Что? Ну-ка повторите все сначала.

— «ЛАЙФ» летит на Луну. — Компания с гордостью объявляет, что все читатели «Лайфа» смогут следить за полетом на Луну. Вместо обычного еженедельного приложения «Лайф идет в гости», мы дадим сразу же после возвращения…

НОВЫЕ ВИДЫ СТРАХОВАНИЯ

(Отрывок из рекламы Северо-Атлантической страховой компании)

«…тем, кто думает о завтрашнем дне, наша компания сумела помочь после пожара в Чикаго, после пожара в Сан-Франциско, после всех бедствий, случившихся после войны 1812 года. Теперь мы сможем защитить вас даже на Луне…»

— Мистер Гарриман, не могли бы вы приехать к нам?

— А в чем дело, Боб?

— Неприятности, — лаконично ответил Костэр.

— Какие?

— Мне не хотелось бы говорить об этом по видеофону. Если вы заняты, я или Лес можем приехать к вам.

— Я буду у вас к вечеру.

Приехав в Петерсон-Филд, Гарриман застал Ле-Круа и Костэра в самом минорном настроении. Он дождался, пока они останутся одни и потребовал:

— Выкладывайте, в чем дело, ребята.

Ле Круа кивнул Костэру. Инженер облизнул губы.

— Мистер Гарриман, я уже говорил, что мы прошли этап общей компоновки.

— В общих чертах знаю.

— Мы отказались от катапульты. Потом у нас получилось вот что… — Костэр развернул чертеж четырехступенчатой ракеты, огромной, но все-таки изящной. — Теоретически все было в порядке, но на практике… Каждая группа добавила свои приборы и конструктивы, в результате получи-

лось вот что… — он развернул еще один чертеж. Ракета на нем выглядела грузной, очертаниями напоминала пирамиду. — Здесь мы добавили пятую ступень — вот это кольцо вокруг четвертой. Мы сэкономили вес за счет использования для четвертой и пятой ступеней одних и тех же агрегатов и приборов. На вид она неуклюжа, но сквозь атмосферу пробьется — лобовое сопротивление будет не таким уж большим.

Гарриман покивал.

— Но видишь ли, Боб, для регулярных рейсов на Луну такие ракеты не подойдут.

— Если мы будем использовать химическое горючее — никуда нам от них не деться.

— А если бы у тебя была катапульта, смог бы ты обойтись без этих громоздких ступеней?

— Конечно.

— Тогда мы так и сделаем. Выведем корабль на орбиту катапультой, а там снова накачаем его горючим.

— Значит, берем на вооружение старую идею космической станции? Это дорого обойдется. А потом понадобятся специальные корабли, не предназначенные для посадки на планеты. И летать они будут от одной заправочной станции до другой…

— Все это к делу не относится, — нетерпеливо перебил Ле Круа. — Рассказывай дальше, Боб.

— Да, рассказывай, — согласился Гарриман.

— Итак, эта модель вполне подходит для нашего полета. По крайней мере, так считается.

— А разве не так? — озабоченно спросил Гарриман. — Эта конструкция одобрена и корабль готов на две трети.

— Готов… — устало ответил Костэр. — Но он не взлетит.

— Почему?

— Пришлось напихать в ракету много всего, а это — лишний вес. Вы, мистер Гарриман, не инженер и не можете даже представить, как быстро снижается коэффициент полезного действия, когда на корабль грузят что-нибудь помимо горючего и двигателей. Возьмите, к примеру, устройства для посадки пятой ступени. Она работает полторы минуты, потом ее нужно сбросить. Но ее нельзя сбрасывать над Унчито или Канзас-сити, значит, нужен парашют. Парашют должен сработать над сельской местностью и невысоко над землей, значит нужны приборы радиоуправления. Все это — добавочный вес, то есть — падение эффективности ступени и скорости корабля.

— Наверное, нам не стоило размещать космодром в Штатах, — сказал Гарриман. — Мы могли бы сэкономить вес, если бы корабль стартовал, скажем, с бразильского побережья? Если бы отработанные ступени падали в Атлантический океан?

Костэр подумал, потом достал логарифмическую линейку.

— Это сработает.

— А можно перевезти ракету прямо сейчас?

— Для этого надо полностью разобрать ее. Пока я могу только сказать, что это дорого обойдется.

— А сколько уйдет времени?

— Сразу трудно сказать… Года два; полтора, в лучшем случае. Понадобится заново строить космодром, перевозить цехи.

Гарриман задумался, хотя про себя все уже решил. Нельзя было ждать два года — вся финансовая сторона проекта обратится в дым; нужно было лететь как можно быстрее. Кроме того, перелет должен быть успешным.

— Это не подходит, Боб.

— Я так и думал. Мы прикинули и шестую ступень, — он развернул еще один чертеж. — Вот такой урод. А конечное ускорение у этого чудища даже меньше, чем у пятиступенчатой ракеты.

— Значит ли это, что корабль построить невозможно?

— Нет, я…

— Эвакуируйте Канзас, — вмешался Ле Круа.

— Что? — спросил Гарриман.

— Вывезите всех людей из Канзаса и Восточного Колорадо, пусть четвертая и пятая ступени падают куда угодно. Третья ступень упадет в океан, вторая — выйдет на орбиту, а корабль полетит на Луну. Тогда не понадобятся ни парашюты, ни прочее. Спросите-ка у Боба.

— Что скажешь, Боб?

— То же, что и раньше. Без паразитного веса конструкция сработает.

— Гмм… Дайте-ка мне карту. — Гарриман внимательно рассмотрел Канзас и Колорадо, что-то посчитал, подумал, глядя в пространство. — Нет, это не пойдет.

— Почему?

— Дело в деньгах. Я говорил, чтобы вы не беспокоились о них, но это касалось строительства ракеты. А на эвакуацию понадобится шесть или семь миллионов. Кстати, непременно найдутся упрямцы, которые наотрез откажутся трогаться с места.

— Ну и черт с ними, с психами, — выпалил Ле

Круа. — Пусть, если хотят, играют со смертью.

— Я понимаю тебя, Лес, но твой проект слишком громоздок и дорог. А если мы не обеспечим безопасности для всех, суды нас в порошок сотрут. У меня не хватит денег на всех судей, а кое-кого из них вообще не купишь.

— Идея была неплохая, Ле, — утешил пилота Костэр.

— Я думал, это снимет все наши проблемы, — ответил Ле Круа.

— Ты говорил о каком-то другом выходе, Боб, — сказал Гарриман.

— Да, шеф, — смущенно отозвался Костэр. — Наш корабль рассчитан на трех человек…

— Знаю. А при чем тут это?

— С таким экипажем ничего не получится. Нужно строить корабль минимальных размеров, на одного человека, другого пути нет. — Он развернул еще один чертеж. — Вот, взгляните. Здесь — один человек и минимум припасов, на неделю или около того. Нет воздушных шлюзов: космонавт все время находится в скафандре. Никаких кают, никакой роскоши — только минимум необходимого часов на двести. Это сработает.

— Это сработает, — подтвердил Ле Круа.

Гарриман почувствовал, как у него засосало под

ложечкой. Да, это, конечно, сработает. Сейчас не важно, сколько человек полетит на Луну; нужно просто долететь и вернуться. Первый успешный полет принесет достаточно денег, чтобы заложить пассажирские корабли.

Братья Райт начинали с меньшего.

— Если дело только в этом, я согласен.

Костэр облегченно вздохнул.

— Еще один вопрос, мистер Гарриман. Вы знаете, при каком условии я взялся строить корабль: я должен сам лететь на Луну. А теперь Лес уводит штурвал у меня из-под носа и говорит, что пилот — он.

— Брось, Боб, — возразил Ле Круа. — Ты же не пилот. Ты и сам убьешься и все дело угробишь.

— Я научусь вести корабль, я же сам его конструктор. Мне неприятно так ставить вопрос, но это условие оговорено в моем контракте. Лес говорит, что и у него есть такой контракт, что он дойдет до суда, но и я ни перед чем не остановлюсь.

— Не слушайте его, мистер Гарриман. Пусть себе ходит по судам, а я тем временем слетаю на Луну и вернусь назад. А Шарль только расшибет корабль.

— Или я лечу на Луну, или прерываю строи-

тельство, — упрямо заявил Костэр.

— Успокойтесь, вы оба, — сказал Гарриман. — Можете хоть оба подавать на меня в суд, если вам так охота. А ты Боб, не пугай меня. На этой стадии работ я могу нанять инженеров и они достроют корабль. Ты говоришь, что полететь сможет только один человек?

— Да.

— Ну, так этот человек — я.

Оба, и Костэр и Ле Круа, выпучились на него.

— Закройте рты, — велел Гарриман. — Что вас удивляет? Вы же оба знаете, что я давно мечтал об этом. Неужели вы думаете, будто я затеял все это ради кого-то из вас? Я сам полечу. Чем я хуже любого из вас? Здоровье отличное, на зрение не жалуюсь. Да и мозгов еще хватит, чтобы усвоить все нужные премудрости и научиться пилотировать корабль. Я решил твердо, слышите?!

Костэр опомнился первым.

— Шеф вы сами не знаете, что говорите.

Они спорили больше двух часов, правда, Гарриман больше сидел молча и отмахивался от аргументов пилота и главного инженера. Наконец, ему понадобилось на несколько минут выйти из комнаты.

— Сколько ты весишь, Боб? — спросил он, вер-

нувшись.

— Я? Фунтов двести с небольшим.

— Скажем — двести двадцать. А ты, Лес?

— Сто двадцать шесть.

— Так вот, Боб, строй корабль с тем расчетом, что пилот весит сто двадцать шесть фунтов.

— Позвольте, мистер Гарриман!

— Заткнись! Если я не смогу стать пилотом за полтора месяца, то и ты не сможешь.

— Но я все-таки инженер…

— Заткнись, говорю! Лес занимался своим делом столько же, сколько ты — своим. Может он за шесть недель сделаться инженером? А почему ты уверен, что сможешь стать пилотом? Я не позволю гробить корабль в угоду твоему самолюбию. Ты ведь сам сказал, что в основе всего — вес пассажира или пассажиров. И все остальное пляшет от этого. Верно?

— Да, но…

— Верно или нет?

— Но ведь… да, верно. Я только хотел…

— Человеку меньшего веса нужно меньше воды, меньше воздуха, меньше места, наконец. Лес подходит по всем статьям. — Гарриман положил ладонь на плечо Костэра. — Не расстраивайся, сынок. Мне еще хуже, чем тебе. Полет должен

быть удачным, значит, нам придется отказаться от лавров первооткрывателей. Но во второй полет мы отправимся вместе, а Лес нас повезет. А потом начнутся пассажирские полеты… Знаешь, Боб, если все пойдет хорошо, ты станешь большой фигурой в этой игре. Как тебе нравится пост главного инженера первой лунной колонии?

— Интересная должность, — через силу улыбнулся Костэр.

— Ты будешь доволен. Жизнь на Луне становится чисто технической проблемой. Хочешь построить первый лунный город? А большую обсерваторию? Построить самому целый мир?

Такая перспектива Костэру явно понравилась.

— Хорошо вы рассказываете, шеф. А для себя вы что придумали?

— Для себя? Ну, может быть, я стану первым мэром Луна-Сити. — Он посмаковал эту идею. — Достопочтенный Дилоуз Дэвид Гарриман, мэр Луна-Сити. Неплохо звучит, честное слово! Я сроду не занимал выборных постов, больше возился с деньгами. — Он посмотрел на инженера, на пилота. — Ну что, договорились?

— Похоже, да, — проговорил Костэр и вдруг схватил Ле Круа, за руку. — Я ее построю, Лес, а ты ее поведешь!

Ле Круа ответил крепким пожатием.

— Заметано. И начинайте обсуждать с шефом новую ракету, чтобы на всех места хватило.

— Идет!

Гарриман положил на их сомкнутые руки свою.

— Вот это — мужской разговор. Будем вместе летать и вместе заложим Луна-сити.

— А не лучше ли назвать его Гарриман? — серьезно спросил Ле Круа.

— Чепуха. Еще в детстве, мечтая о лунном городе, я назвал его Луна-Сити. Может, в нем найдется место для Гарриман-сквера.

— Найдется, — заверил Костэр.

Гарриман сразу же уехал. Они пришли к согласию, но сам он чувствовал себя совершенно разбитым и не хотел, чтобы это видели. Дело было спасено, но ему казалось, что он отгрыз себе ногу, чтобы выпростаться из капкана.

8

Когда позвонил Диксон, он застал в оффисе одного Стронга.

— Джордж, мне нужен Дилоуз. Он поблизости?

— Он в Вашингтоне, улаживает кое-какие дела, но скоро будет.

— Хм… Мы с Энтенцей хотели бы его повидать. Мы, пожалуй, приедем.

Они приехали довольно скоро. Энтенца был чем-то обеспокоен, Диксон — как всегда бесстрастен.

— Джон, — сказал Диксон после рукопожатий и недолгого молчания, — ты ведь что-то принес?

Энтенца поспешно вынул из кармана чек.

— Вот, Джордж, теперь я полностью внес свою долю.

Стронг убрал чек в сейф.

— Дилоуз будет доволен.

— А расписка? — напомнил Диксон.

— Извольте, если угодно, — Стронг молча написал расписку и подал Энтенце.

— Джордж, — вдруг спросил Диксон, — вы глубоко увязли в этом деле?

— Пожалуй.

— Хотите, я вам помогу?

— С какого конца?

— Мне хочется укрепить свои позиции, и я готов выкупить у вас половину вашей доли.

Стронг задумался. Он и в самом деле был очень озабочен. Наблюдение контролера Диксона вынуждало их с Гарриманом держаться в пределах наличности, но он-то знал, как близко они подошли к опасной черте.

— А вам-то это зачем?

— Вовсе не для того, чтобы мешать Дилоузу. Мы — друзья, и всегда готовы его поддержать. Мне просто нужна возможность укротить его, если он начнет зарываться. Вы же знаете Дилоуза, он — неисправимый максималист, его надо притормаживать.

Стронг снова задумался. Самое обидное было в том, что Диксон был прав. Ему и самому часто становилось не по себе, когда он видел, как Дилоуз потрошит один капитал за другим. Казалось, Гарриману наплевать на все, кроме своей Луны — утром он даже не удостоил взглядом отчет об автоматическом выключателе.

— Назовите вашу цену, Джордж, — подался к нему Диксон. — Я не поскуплюсь.

Стронг расправил плечи.

— Я, пожалуй, продам…

— Вот и отлично!

— …но только, если Дилоуз не будет возражать. Только так.

Диксон что-то бормотнул себе под нос. Энтенца засопел. Бог знает, чем бы закончился разговор, если бы не вошел Гарриман.

Никто не сказал ни слова о предложении Диксона.

Стронг спросил, как дела в Вашингтоне.

— Все в порядке, — щелкнул пальцами Гарриман. — Правда, Вашингтон с каждым разом дорожает, — он повернулся к гостям. — А как ваши дела? У вас здесь что — тайный совет?

Диксон повернулся к Энтенце.

— Джек, ваше слово.

— Почему вы продаете права на телевидение на сторону? — спросил тот, глядя Гарриману прямо в глаза.

— А почему бы и нет? — поднял брови Гарриман.

— Да потому, что вы обещали их мне. У нас с вами письменное соглашение.

— Ну так прочитайте его повнимательнее, и не кипятитесь. Вам предоставлены права на радио,

телевидение, всякие увеселительные программы и фильмы, связанные с первым полетом на Луну, плюс на все передачи с борта корабля, — Гарриман решил пока помалкивать о том, что из-за жесточайшей экономии веса «Пионер» не сможет взять аппаратуру Энтенцы. — А я продал права на установку на Луне ретрансляционной станции. Кстати, право это не исключительное, хотя Хогерти пока думает иначе. Я думаю, мы пойдем вам навстречу, если вы захотите купить такое же для себя.

— Купить? Но ведь я…

— Минутку. Вы получите его даром, если убедите Дэна и Джорджа. Я не сквалыга. Есть еще вопросы?

— Когда будет готов корабль? — напрямик спросил Диксон.

— Клянусь, что «Пионер» стартует точно по графику — в следующую среду. А теперь, джентльмены, я вынужден вас покинуть — мне пора в Петерсон-Филд.

Он исчез, а остальные трое некоторое время сидели молча, только Энтенца что-то бурчал себе под нос. Диксон размышлял о чем-то, а Стронг просто ждал.

— Ну, Джордж, как насчет вашей доли? — нако-

нец, спросил Диксон.

— При Дилоузе вы об этом помалкивали.

— Ясно, — Диксон стряхнул пепел. — Он подмял вас под себя, так?

— Пожалуй…

— Давно вы вместе?

— Дайте вспомнить… Он нанялся ко мне году в…

— Нанялся к вам?!

— Да, он работал на меня несколько месяцев. А потом мы стали компаньонами. У него и тогда был комплекс вождя.

— Нет, — возразил Диксон. — Я бы назвал это иначе, «Комплекс мессии», пожалуй.

— Хитрющий сукин сын, вот кто он такой, — вмешался Энтенца.

— Я попросил бы вас, — холодно сказал Стронг, — не говорить так о моем компаньоне.

— Джордж прав, — поддержал его Диксон. — Не надо так… Самое странное, — продолжил он, — что Дилоуз способен кому угодно внушить какую-то феодальную преданность. Взять хоть вас, Джордж — вас разоряют среди бела дня, а вы даже не позволяете спасти вас. Это выше всякой логики, мистика какая-то.

Стронг кивнул.

— Он ужасный человек. Временами мне кажется, что он последний из фронтиреров.

— Нет, последние завоевали Дальний Запад. Он — первый из новых фронтиреров, а конца их нам увидеть не суждено. Вы читали Карлейля?

Стронг снова кивнул.

— Вы имеете в виду «теорию героя»? Я с ним не согласен.

— Все же в чем-то он прав. Дилоуз сам не понимает, что творит. По сути он закладывает новый империализм. И прежде, чем он это поймет, на ветер будет пущен не один миллион, — Диксон поднялся. — Мы должны его удержать, но не сможем. Ну, ладно, чему быть, того не миновать. Мы все на одной карусели и если уж не можем ее остановить, давайте хоть получим от катания максимальное удовольствие. Пойдемте, Джек.

9

Над колорадскими прериями сгущались сумерки. Солнце уже опустилось за гору, а на востоке поднималась наливная Луна. Посреди Петерсон-Филд высился «Пионер», тысячу акров вокруг него оплетала колючая проволока, а внутри этого кольца без устали ходили охранники. Неподалеку от ограды стояли телекамеры и микрофоны, управляемые по проводам.

Костэр был на космодроме, а Гарриман обосновался в его кабинете. У Диксона и Энтенцы были свои комнаты. Ле Круа дали снотворного и он беспробудно спал в постели Костэра.

Кто-то подергал дверь. Гарриман осторожно приоткрыл ее.

— Если опять репортер, пошли его подальше. Или к мистеру Монтгомери. Капитан Ле Круа не дает интервью.

— Дилоуз?! Можно мне войти?

— А, это ты, Джордж. Конечно, входи. Понимаешь, нас здесь просто затравили.

Оказалось, что Стронг принес большую и тяжелую коробку.

— Они здесь.

— Какие еще «они»?

— «Они» — это марки и компостеры для филателистического синдиката. Ты о них совсем забыл, Дилоуз, а ведь это полмиллиона долларов. Хороши бы мы были, если бы я не заметил их в твоем одежном шкафу!

— Молодчина, Джордж, — улыбнулся ему Гарриман.

— Если хочешь, я сам положу их в корабль, — продолжил Стронг.

— Что? О, нет, не беспокойся. О них позаботится Лес, — он взглянул на часы. — Пора будить его. — Он поднялся и взял тяжелую коробку. — Не ходи к нему пока, ладно? Попрощаетесь перед стартом.

Гарриман прошел в соседнюю комнату, плотно притворил за собой дверь, подождал, пока медсестра делала пилоту укол стимулятора и попросил ее выйти. Ле Круа сел и протер глаза.

— Как самочувствие, Лес?

— Великолепное. Так что, летим?

— Да. Все очень беспокоятся за тебя. Приведи себя в порядок и покажись им хотя бы ненадолго. А я пока расскажу тебе кое-что.

— Что?

— Видишь этот ящик? — и Гарриман быстро

объяснил пилоту, что это такое и зачем оно.

Ле Круа даже растерялся.

— Послушайте, Дилоуз, я не смогу его взять: все рассчитано до унции.

— Вот и я говорю то же самое. Он ведь тянет фунтов на шестьдесят, а то и на семьдесят. Давай-ка забудем его здесь, спрячем его до времени… — Гарриман засунул ящик поглубже в платяной шкаф. — Когда ты вернешься, я первым встречу тебя и суну его в ракету.

— Вы меня удивляете, шеф, — покачал головой Ле Круа. — Впрочем, не стану читать вам мораль.

— Вот и слава богу. А то бы мне пришлось идти под суд за паршивые полмиллиона. Дело в том, что мы их уже истратили. Как бы то ни было, об этом знаем только мы с тобой. А филателисты будут только рады.

Он замолчал, ожидая, что скажет пилот.

— Ладно, ладно, — ответил Ле Круа. — Какое мне дело до этих денег… сейчас, перед стартом? Идемте.

— Подожди, — Гарриман достал матерчатый кисет. — Возьми это с собой. Его вес учтен, я сам проследил за этим. С ним надо сделать вот что… — и он подробно проинструктировал пилота.

Ле Круа был явно озадачен.

— Я верно вас понял, шеф? Нужно позволить найти его… а потом рассказать всю правду?

— Именно так.

— О'кэй, — Ле Круа положил кисет в карман комбинезона. — Идемте к кораблю. До старта — двадцать одна минута.

В контрольном зале к Гарриману подошел Стронг. Они вместе смотрели, как Ле Круа поднимается в корабль.

— Марки там? — спросил Стронг с беспокойством. — Я не заметил ящика у него в руках.

— Все в порядке, — заверил его Гарриман. — Их отнесли в корабль еще раньше. Устраивайся поудобнее и смотри. Уже был сигнал готовности.

На гостевом балконе рядами стояли перископы. К ним прильнули Диксон, Энтенца, губернатор штата Колорадо, вице-президент Соединенных Штатов и еще дюжина Очень Важных Персон. Гарриман и Стронг поднялись на балкон и сели к своим перископам.

Гарримана бросило в жар, забило мелкой дрожью. Корабль был виден как на ладони. Слышно было, как внизу Костэр отдавал последние распоряжения. Голос его звучал нервно и отрывисто. Какой-то репортер что-то талдычил в микрофон.

Гарриман чувствовал себя чем-то вроде свадебного генерала. Он сделал все, что мог, и теперь ему оставалось только смотреть, ждать и молиться.

В небо взвилась сигнальная ракета — оставалось пять минут.

Секунды словно растянулись. За две минуты до старта Гарриман оторвался от окуляров и поспешил к выходу — его место было там, наверху. Костэр удивленно посмотрел на него, но ничего не сказал: у него было полно своих дел. Гарриман оттолкнул охранника и вышел на взлетное поле.

На востоке чернела пирамида корабля. Гарриман снова ждал.

Наверное, время остановилось. Когда он вышел на поле, до старта осталось меньше двух минут. А корабль все стоял, темный и тихий. Кругом тоже было тихо, только вдалеке где-то выла сирена. Сердце камнем застыло в груди, воздух застрял в сухом горле. Что-то сорвалось. Конец.

Из-за контрольной башни выметнулся столб света. Под кораблем вспыхнуло ослепительно-белое пламя.

Оно ширилось, расползалось в стороны. Медленно, нехотя. «Пионер» поднялся над землей, помедлил, балансируя на огненной колонне и вдруг рванулся в небо так, что через секунду

оказался в самом зените. Гарриману почудилось, что корабль сейчас рухнет ему на голову — это было больше похоже на прыжок, чем на взлет. Он отпрянул, закрыл лицо руками.

И тут обрушился звук, точнее — шум на всех мыслимых частотах. Он нарастал и нарастал. Гарриман слышал его зубами, костями, всем телом — даже сердце сжалось. Он упал на колени, согнулся, а вокруг неистовствовали громы.

А потом налетела воздушная волна, рванула одежду, перехватила дыхание. Гарриман бросился в укрытие, но его сбило с ног.

Он через силу поднялся, кашляя и отплевываясь, и тут вспомнил, что надо посмотреть на небо. Прямо над головой сияла звезда. Потом погасла.

Он вернулся в контрольный зал.

Все галдели. Сквозь шум в ушах он расслышал слова, несущиеся из динамика:

— Станция слежения-один — Контрольному. Пятая ступень отделилась по графику. Мы видим их по отдельности.

— Первая! Следите за пятой ступенью, ведите ее! — резко выкрикнул Костэр.

Репортер все трещал в свой микрофон:

— Великий день, люди, великий день! «Пионер» взлетел, словно господень архангел с огненным

мечом, и начал свой путь к планете-сестре. Конечно, вы видели это на своих экранах, но как бы мне хотелось, чтобы вы видели его так, как я: он стрелой рванулся…

— Заткните ему глотку! — велел Костэр, потом крикнул зрителям на балконе. — Эй вы, там, тихо!

Вице-президент США глянул на него и умолк, не позабыв, впрочем, улыбнуться. Замолчали на время и прочие Очень Важные Персоны, но потом начали тишком перешептываться.

— Станция слежения-один — Контрольному, — нарушил тишину девичий голос. — Видим пятую ступень, она высоко.

Из угла донесся шорох. Там на большом экране высветилась карта Колорадо и Канзаса, покрытая частой координационной сеткой. Ровными красными огнями горели города и городки, пульсировали неэвакуированные фермы.

Оператор тронул кнопки, и на экране высветилась проекция пятой ступени. Перед экраном застыл молодой человек с тангетой в руке — один из лучших бомбардиров ВВС. Он должен был приземлить пятую ступень, включив вышибной заряд парашюта. Он следил за данными радаров, но больше полагался на инстинкт, точнее — на

профессиональное чутье, говорившее ему, где опустится многотонная пятая ступень, если сейчас же нажмет кнопку. Со стороны он казался совершенно спокойным.

— Станция слежения-один — Контрольному, — на этот раз говорил мужчина. — Четвертая ступень отделилась по графику…

Тут же его перебил баритон:

— Станция слежения-два! Ведем четвертую ступень. Высота — девятьсот пятьдесят одна миля, вектор ясен.

Никто не обращал внимания на Гарримана.

На экране росла траектория пятой ступени, она шла рядом с рассчетной, но не накладывалась на нее. Возле каждого населенного пункта горела цифра — высота, на которой прошла ступень.

Человек у экрана нажал на кнопку, встал, потянулся и сказал:

— Дайте-ка мне сигарету.

— Станция слежения-два! — раздалось в ответ. — Четвертая ступень, в первом приближении, упадет в сорока милях западнее Чарльстона, в Южной Каролине.

— Повторите! — крикнул Костэр.

— Поправка, поправка… — тут же выпалил динамик, — в сорока милях восточнее, повторяю,

восточнее.

Костэр перевел дух. Тут же пришло новое сообщение.

— Станция слежения-один — Контрольному… Отделилась третья ступень, минут пять назад…

— Мистер Костэр, мистер Костэр, — донеслось из селектора, — вас вызывает Паломарская обсерватория.

— Пошлите их… хотя, нет, попросите их подождать.

— Станция слежения-один! Пятая ступень упадет возле Додж-Сити в Канзасе.

— Где «возле»?

Молчание. Потом, наконец, ответ:

— Приблизительно — пятнадцать миль юго-западнее Додж-Сити.

— Села?

— Отделилась вторая ступень, отделилась вторая ступень… Корабль свободен.

— Мистер Костэр — ну пожалуйста, мистер Костэр…

Новый голос:

— Станция слежения-два — Контрольному… Мы ведем корабль. Будем докладывать… будем докладывать.

— Станция слежения-один — Контрольному:

четвертая ступень упала в Атлантический океан пятью — семью милями восточнее Чарльстона. Повторяю.

Костэр раздраженно посмотрел по сторонам.

— Найдется в этом бардаке стакан воды?

— Мистер Костэр… Паломар говорит, что это очень важно.

Гарриман снова вышел. Только сейчас он ощутил, что выжат как лимон.

Взлетное поле без корабля выглядело странно. Он долго стоял здесь, рос на глазах, а теперь его не было. И до полной Луны, казалось, никому нет дела, и космические полеты, словно в детстве, оставались далекой мечтой.

На месте старта копошились люди.

«Сувениры ищут…» — брезгливо подумал он.

— Мистер Гарриман? — донеслось из темноты.

— Да?

— Я — Хопкинс… из Ассошиэйтед Пресс. Как насчет заявления для газет?

— Что? Нет, никаких заявлений не будет. Я не готов.

— Буквально пару слов, а? Всем интересно, что чувствует человек, осуществивший первый успешный полет на Луну. Конечно, дай бог, чтобы он оказался успешным.

— Окажется, будьте спокойны, — Гарриман чуть помедлил, через силу расправил плечи. — Передайте своим читателям, что сегодня для человечества началась великая эра. Скажите, что скоро каждый сможет пройти по следам капитана Ле Круа, получит шанс построить свой дом на новой планете. Добавьте, что это раздвигает границы, открывает новые перспективы для процветания. Скажите… — он вдруг умолк. — Вот и все, сынок. Я выдохся. Иди с богом, ладно?

На поле появился Костэр в окружении Очень Важных Персон.

— Все в порядке? — спросил у него Гарриман.

— Естественно. Третья ступень опустилась, где ей положено. Дело сделано. Вот только пятая ступень зашибла на лугу корову.

— Значит, на завтрак у нас будет бифштекс.

Гарриман поговорил с вице-президентом и губернатором, проводил их к самолету. Диксон и Энтенца улетели вместе и попросту. Наконец, на поле остались только Гарриман, Костэр со своими ассистентами и оцепление, сдерживающее толпу.

— Ты сейчас куда, Боб?

— В Бродмур, отсыпаться на год вперед. А вы?

— Если позволишь, посплю в твоей здешней

комнате.

— Сколько угодно. Снотворное найдете в ванной.

— Не понадобится.

Они вместе пошли к Костэру, выпили, поболтали; потом инженер вызвал вертолет и отправился в Бродмур. Гарриман лег, снова поднялся, пролистал свежий номер денверской «Пост» с фотографиями «Пионера» и, наконец, выпил две таблетки из запасов Костэра.

10

Кто-то тряс Гарримана за плечо.

— Мистер Гарриман! Проснитесь… мистер Гарриман… Вас вызывает мистер Костэр.

— Что такое? Ага, ясно, — он, пошатываясь, подошел к экрану. Костэр был явно взволнован.

— Шеф, все получилось!

— Ты о чем?

— Сейчас мне звонили из Паломарской обсерватории. Они засекли метку, а теперь видят и сам корабль. Он…

— Постой, Боб, ведь еще слишком рано — он только вчера улетел.

— Что с вами, мистер Гарриман? — Костэр не на шутку забеспокоился. — Вы здоровы? Он стартовал в среду.

Гарриман попытался собраться с мыслями. Он никак не мог отделаться от ощущения, что старт был этой ночью. Мелькнули какие-то смутные воспоминания о поездке в горы, о ярком солнце, о вечеринке со множеством тостов. Какой же сегодня день? Впрочем, наплевать… главное — Лес добрался до Луны.

— Все хорошо, Боб, просто я еще не проснулся по-настоящему. Наверное, мне сегодня приснился старт. А теперь расскажи все по новой, только помедленнее.

— Ле Круа прилунился западнее кратера Архимед; Паломарская обсерватория видит корабль. Они говорят, что получилась здоровенная клякса, черная, как классная доска — Ле пометил, самое малое, пару акров.

— Может, сами посмотрим? Впрочем, нет, успеется, — решил он. — Сегодня у нас будет много дел.

— Мистер Гарриман, что вы еще от нас хотите! Дюжина новейших компьютеров вовсю рассчитывает для вас все возможные траектории.

Гарриман начал было говорить, что следует подключить еще дюжину, но вдруг попрощался. и выключил экран. Он оставался в Петерсон-Филд, а новейший стратокоптер «Скайуэйз» ждал, готовый прыгнуть в любую точку Земли, где приземлится Ле Круа. «Пионер» уже целые сутки находился в стратосфере — Ле Круа осторожно гасил скорость, превращая кинетическую энергию корабля в волны адского пламени.

Радары виток за витком вели его вокруг Земли, но точка финиша была еще неясна. Гарриман

слушал доклады радарных станций и на чем свет стоит проклинал себя за то, что согласился с экономией веса за счет радиооборудования.

Цифры на экране побежали быстрее.

— Он садится, — сказал кто-то.

— Приготовьте стратокоптер! — крикнул Гарриман. Он ждал, затаив дыхание. Через несколько бесконечных секунд динамик доложил:

— Корабль сядет западнее Чихуахуа.

Гарриман метнулся к выходу.

Пилот Гарримана вел коптер, сверяясь с радиосообщениями. Он издалека заметил «Пионера» среди песков и искусно приземлился совсем рядом с кораблем. Двигатели еще не остановились, а Гарриман уже выскочил из коптера.

Ле Круа с видимым удовольствием сидел прямо на земле в тени небольших треугольных крыльев «Пионера». Рядом, отвесив челюсть, стоял местный пастух. Гарриман бросился к Лесу. Пилот встал, выкинул окурок и сказал:

— Здравствуйте, шеф!

Гарриман обнял его.

— Лес, мальчик мой, как я рад тебя видеть!

— Я тоже. Педро не говорит по-нашему, — Ле Круа осмотрелся, но вокруг не было никого, кроме пилота стратокоптера. — А где вся команда?

Где Боб?

— Я не стал их дожидаться. Они, я думаю, прилетят с минуты на минуту. Вот они! — над песками кружил самолет. — Билл… — сказал Гарриман своему пилоту, — иди, встреть их.

— Зачем? Они и сами прибегут сюда сломя голову.

— Делай, что сказано.

— Как прикажете, шеф, — пилот с явной неохотой пошел прочь. Ле Круа смотрел озадаченно.

— Скорее… Лес, помоги мне с этим чертовым ящиком.

В «чертовом ящике» лежали марки, пять тысяч конвертов и компостеры. Они быстро перенесли его в корабль под прикрытием коптера.

— Ура! — сказал Гарриман. — Мы едва не потеряли полмиллиона долларов. Они нам еще пригодятся.

— Ясно! Послушайте, мистер Гарриман. Эти алма…

— Тише! Они уже подходят. Как там с алмазами? Все в порядке?

— Да, но я хочу вам рассказать…

— Тшш…

Прилетела вовсе не команда Костэра, а целая толпа репортеров, операторов, комментаторов

и техников.

— Отстаньте, ребята, — отмахнулся от них Гарриман. — Выясняйте все сами: снимайте, лазайте по кораблю. Словом, чувствуйте себя как дома, трогайте все, что хотите. А капитана оставьте в покое — он здорово устал.

Приземлился еще один самолет: прибыли Костэр, Диксон и Стронг. Энтенца явился следом на своем самолете с ордой телевизионщиков. Прилетел и сел тяжелый транспортник, из него высыпали мексиканские солдаты. Словно из-под земли выросла дюжина местных крестьян. Гарриман поговорил с офицером, и солдаты поспешили оцепить корабль, пока его не разнесли на куски.

— Положи на место! — донесся из «Пионера» голос Ле Круа. Гарриман прислушался. — Не твое дело! Положи, тебе говорят!

Гарриман пробрался к люку.

— В чем дело, Лес?

В тесной рубке, куда едва влезла большая телекамера, сгрудились Ле Круа и два репортера. Они-то и ругались.

— Что случилось, Лес? — повторил Гарриман.

Ле Круа держал в руках пустой кисет, а на приборном щитке сверкали небольшие камешки. Репортер внимательно разглядывал еще один

такой камешек.

— Эти ребята суют нос не в свое дело, — сердито ответил Ле Круа.

— Вы же сами разрешили нам все трогать, мистер Гарриман, — возразил репортер.

— Верно.

— Капитан явно не ожидал, что мы найдем эти камешки. Он спрятал их в подлокотнике кресла.

— Что это такое?

— Алмазы.

— С чего вы взяли?

— Это алмазы.

Гарриман неторопливо развернул сигару.

— Алмазы оказались там потому, — сказал он наконец, — что я сам их туда поместил.

За спиной Гарримана вспыхнул прожектор.

— Держи камешек повыше, Джефф, — сказал оператор.

— Это как-то странно, мистер Гарриман, — сказал репортер, которого, похоже, звали Джефф.

— Меня интересовало, как на алмазы подействует космическое излучение. Капитан Ле Круа взял их с собой по моему распоряжению.

Джефф присвистнул.

— Если бы вы все нам не объяснили, мистер Гарриман, я бы подумал, что капитан нашел на Луне

эти камешки и решил никому не показывать.

— Валяйте, публикуйте это, а я привлеку вас к ответственности за клевету. Я целиком и полностью доверяю капитану Ле Круа. А теперь отдайте мне мои алмазы.

— Доверяете, но камушки предпочитаете держать при себе, — заметил Джефф.

— Гоните сюда камни. И проваливайте.

Гарриман вызволил Ле Круа из лап репортеров и отвел в свой коптер.

— Отличная работа, Лес!

— Этот Джефф, наверное, никак не сообразит, что к чему.

— Я не о том. Я имею в виду твой полет. Теперь ты будешь героем всей планеты.

— Боб построил хороший корабль, — перебил Ле Круа. — Так что моя заслуга невелика. Так вот, насчет алмазов…

— Забудь о них. Ты хорошо сыграл свою роль. Мы положили камни в корабль, а потом честно объявили об этом. Если кто-то нам не поверит, мы не виноваты.

— Но послушайте, шеф…

— Что?

Ле Круа достал из кармана комбинезона не первой свежести платок, завязанный узелком, и

высыпал перед Гарриманом кучку прекрасных крупных алмазов.

Гарриман молча рассмотрел их и расхохотался.

— Возьми и спрячь подальше, — сказал он наконец.

— Мне кажется, они должны принадлежать всем нам.

— Вот и спрячь для всех нас. И держи язык за зубами. Хотя, погоди… — Гарриман отобрал два крупных алмаза. — Сделаем из них перстни для нас с тобой. Главное — помалкивай, а иначе они не будут стоить ни черта, разве что как сувениры.

«Вот так-то, — подумал он. — Все давно знают, что алмазы по своему составу лишь немного ценнее стекла, если не считать их использования в промышленности. Дело лишь в том, что они редки. А если на Луне они валяются под ногами, словно булыжники, то и цена у них будет соответствующая. Их даже не выгодно будет возить на Землю. А вот уран… Если бы он оказался на Луне…»

Гарриман надолго погрузился в мечты.

— Знаете, шеф, там чудесно, — тихо сказал Ле Круа.

— Что? Где?

— На Луне, конечно. Я хочу вернуться туда при первой же возможности. Нужно побыстрее строить новый корабль.

— Конечно! Причем такой, где всем хватит места. Я тоже полечу на нем.

— Обязательно.

— Лес, — спросил Гарриман странным голосом, — а как выглядит Земля со стороны?

— Земля? Она такая… такая… — Ле Круа развел руками. — Черт побери, шеф, это невозможно объяснить. Она удивительная, вот и все. На черном фоне и… Подождите, шеф, скоро сами все увидите. Вот именно, сами увидите.

Гарриман покивал.

— Вот только ждать очень трудно.

11

«АЛМАЗНЫЕ ПОЛЯ НА ЛУНЕ!!!»

«МИЛЛИАРДЕР БЕЙКЕР НЕ ВЕРИТ В ЛУННЫЕ АЛМАЗЫ».

«Бейкер говорит, что алмазы были взяты в космический полет для исследований».

«ЛУННЫЕ АЛМАЗЫ: ОБМАН ИЛИ НАУЧНЫЙ ФАКТ?»

«…давайте подумаем, друзья мои, зачем было возить алмазы на Луну? Ведь каждая унция груза была на счету. Никто не повез бы алмазы на Луну просто так. Многие ученые говорят, что выдвинутые мистером Гарриманом объяснения — сущая чепуха. Очень вероятно, что алмазами этими „посолили“ Луну, чтобы создать впечатление, будто там полным-полно алмазов. Мистер Гарриман и капитан Ле Круа клянутся, что это земные алмазы, но факт остается фактом — их нашли в корабле сразу после приземления. Решайте сами, что бы это

значило, а я попытаюсь купить парочку лунных бриллиантов, когда они пойдут по дешевке».

Когда Гарриман вошел в свой кабинет, там уже сидел Стронг. Они не успели даже поздороваться — засветился экран.

— Мистер Гарриман, Роттердам на связи.

— Скажите им, пусть разводят тюльпаны.

— Мистер Гарриман, вас просит мистер ван дер Вельде.

— Соедините.

Гарриман выслушал голландца, потом ответил:

— Господин ван дер Вельде, все мои заявления — чистая правда. Эти алмазы я поместил в корабль перед стартом. Это земные алмазы, я купил их в Голландии, когда приезжал к вам, и могу это доказать.

— Но, мистер Гарриман…

— Не беспокойтесь. На Луне вполне могут быть алмазы, в любых количествах, но те, о которых вопят репортеры, найдены на Земле.

— А зачем вы отправили алмазы на Луну? Вы хотели нас на это поймать?

— Думайте, что хотите. Но я утверждаю, что

это земные алмазы. Теперь о нашем с вами деле. У вас есть право продлить договор, право невиданного опциона. Если наш договор остается в силе, вносите второй взнос. У вас есть время до вторника, до девяти часов по нью-йоркскому времени. Думайте.

Он выключил экран и перехватил подозрительный взгляд своего-компаньона.

— Что тебя заботит?

— Я тоже подумал об этих алмазах, Дилоуз. Я просмотрел весовую ведомость «Пионера».

— Тебя интересует небесная механика?

— Я хорошо читаю цифры.

— Значит, ты должен был их найти. Индекс Ф-17, две унции, записаны на меня лично.

— Я их нашел. Это весьма заметная строчка. Зато я не нашел кое-чего другого.

— Чего? — спросил Гарриман, ощущая холодок в животе.

— Я не нашел индекса марок и конвертов, — Стронг испытующе посмотрел на компаньона.

— А куда же он делся? Дай-ка мне ведомость.

— Его там нет, Дилоуз. А я — то все думал, зачем тебе приспичило первым встречать Ле Круа. Значит, ты тайком подложил их в корабль? — под его взглядом Гарриман крутился, как грешная душа

на адской сковородке. — Всякое с нами бывало, но впервые кто-то может обвинить «Гарриман энд Стронг» в мошенничестве.

— Брось, Джордж… я готов был на что угодно; мошенничество, ложь, вымогательство, воровство, наконец, лишь бы сделать то, о чем мечтал.

Гарриман зашагал из угла в угол.

— Нам нужны были эти деньги, иначе корабль никогда бы не поднялся с Земли. Я не чувствую за собой вины. И ты не думай об этом.

— Но эти конверты должны были побывать на Луне. Мы обещали это сделать.

— Черт побери, я совсем забыл о них, а потом было уже поздно добавлять вес. Если бы Ле Круа разбился, никто бы не узнал, что в корабле нет этих конвертов. Но полет оказался удачным, и теперь это не имеет никакого значения. Мы не могли обойтись без этих денег. Главное, нам все удалось, Джордж, удалось!

— Мы должны вернуть эти деньги.

— Но не прямо же сейчас? Пока все и так довольны. Дай мне время, я поправлю наши дела и выкуплю все эти марки, заплачу из своих денег. Клянусь.

— Нет, используем деньги фирмы.

— Какая щедрость! Нет, я должен сделать это

сам.

— Используем деньги фирмы. Мы вместе замешались в это, вместе будем и расплачиваться.

— Ну, как знаешь…

Гарриман сел за свой стол. Оба долго молчали. Приехали Диксон и Энтенца.

— Ну, Джек, — спросил Гарриман, — как вы теперь себя чувствуете?

— Лучше, но вы тут ни при чем. Мне пришлось зубами драться за свои интересы. Почему на корабле не было телекамеры, Дилоуз?

— Я ведь уже говорил вам, что в этом полете мы не можем рисковать лишним весом. Но это не последний полет, так что ваша концессия еще сто раз окупится.

Диксон откашлялся.

— Вот об этом, Дилоуз, я и хотел поговорить. Что вы намерены делать дальше?

— Дальше? Будем готовить следующий полет. Я полечу с Ле Круа и Костэром и заложу на Луне базу. Возможно, Боб останется там до следующего полета. А в третий полет пошлем инженеров-атомщиков, специалистов по гидропонике, горняков и связистов. Начнем строить Луна-Сити, первый инопланетный город.

— А когда пойдет прибыль?

— Какая прибыль? Вы хотите вернуть часть своих вложений? Пожалуйста.

Энтенца собрался было сказать, что именно этого он и хочет, но Диксон опередил его.

— Я говорю о прибыли, которую должны принести нам наши вложения.

— Ясно!

— Но я пока не вижу, как мы их получим. Ле Круа слетал на Луну и счастливо вернулся. Конечно, для нас большая честь участвовать в этом. Но в чем же наша выгода?

— Не дергайте цветок, чтобы он быстрее рос, Дэн. Вы что, больше не верите мне? Давайте посмотрим на наши активы, — Гарриман начал загибать пальцы, — права на фильмы, радио и телепередачи…

— Все они принадлежат Джеку.

— Перечитайте наше соглашение. Джеку принадлежит концессия, и он платит за нее нашей компании, а значит — всем нам.

Энтенца хотел что-то сказать, но Дэн снова опередил его:

— Подождите, Джек! Ну, а что еще? Это же крохи.

— У нас много исключительных прав. Этим сейчас занимается Монти со своими ребятами.

Например, права на величайший бестселлер всех времен. Автора мы уже наняли, к Ле Круа приставили стенографистку. Дальше: права на первую и единственную космическую линию.

— Откуда они взялись?

— Получим в самом скором времени. Каминз сейчас в Париже и занят как раз этим, а вскоре к нему присоединюсь и я. Мы заложим на Луне постоянную колонию, пусть даже самую маленькую, и получим монополию на обратные рейсы. Мы получим автономный лунный штат под протекторатом ООН, и ни один корабль не взлетит с его территории и не прилунится на нее без разрешения местной администрации. А потом мы займемся основанием муниципальной корпорации Луна-Сити и получим права раздавать концессии и получать налоги с концессионеров. Мы сможем продавать все, кроме вакуума; впрочем, и вакуум тоже — для научных целей. Еще одно — Луна большая, а мы распродали не так уж много участков.

— Мне нравятся ваши планы, Дилоуз, — сухо сказал Диксон. — А если конкретнее, что вы намерены делать сейчас?

— Прежде всего нам нужна поддержка Объединенных Наций. Сейчас заседает Совет Без-

опасности, а вечером откроется ассамблея. Шума будет много, и я хочу там присутствовать. Тогда ООН признает — а по-другому и быть не может — что единственным реальным претендентом на Луну является ее собственная неприбыльная корпорация. И теперь эта маленькая бедная корпорация получит куш, который по зубам лишь мощному синдикату с железной десницей. Мы должны сплотить вокруг себя физиков, астрономов, селенографов и руководить ими, пока у лунной колонии не появятся собственные законы. А потом…

— Легализация предприятия меня не интересует, Дилоуз, — нетерпеливо прервал Диксон. — Я совершенно уверен, что вы легко это провернете. Я спрашивал о практических шагах.

— Нужно построить большой корабль. Конечно, мы не сможем пока построить такой большой, как нам нужно, но, во всяком случае, он должен быть больше «Пионера». Костэр спроектировал огромную катапульту, она сможет забрасывать корабли на околоземную орбиту. Мы забросим туда танкеры — они снабдят корабли горючим. Это будет настоящая космическая станция, вроде нашего энергоспутника. Катапульте помогут собственные двигатели корабля.

— Все это дорого обойдется.

— Дорого, но у нас есть источники денег. Мы продадим часть наших исключительных прав, а может — и все права. В свое время мы получили их задешево, а теперь получим тысячу долларов за то, что нам обошлось в десятку.

— Вы полагаете, это поможет нам продержаться до тех пор, пока дело не начнет приносить прибыль? Посмотрите фактам в лицо, Дилоуз: прибылей не будет до тех пор, пока между Землей и Луной не заработает постоянная грузопассажирская линия. Тогда у нас появятся серьезные клиенты. Но что вывозить с Луны? И кому это нужно?

— Дэн, какого черта вы связались со всем этим делом, если не верите в него?

— Я верю в вас, Дилоуз, но мне хотелось бы знать ваши планы подробнее. Каков наш бюджет, каковы перспективы? Только не говорите мне о лунных алмазах. Этот фокус мне вполне ясен.

Гарриман помедлил, пожевал сигару.

— Кое что мы можем продавать уже сейчас.

— Что?

— Знания.

Энтенца хохотнул, Стронг насупился, Диксон кивнул.

— Это пойдет. Знания всегда ценятся, если суметь их приложить. А Луна — именно то место, где новых знаний — хоть пруд пруди. Я уверен, что мы соберем деньги на следующий корабль. И все же мой вопрос остается — бюджет и ближайшие действия.

Гарриман молчал. Стронг посмотрел на него, по лицу своего партнера он читал, как по раскрытой книге. Похоже было, Гарримана загнали в угол. Стронг нервничал, но был готов прийти компаньону на помощь.

— Глядя на вас, — продолжил Диксон, — можно подумать, что у вас нет средств для следующего шага и что вы не знаете, где их взять. Я верю в вас и готов дать деньги. Вы не продадите мне свою долю?

Гарриман посмотрел ему прямо в глаза.

— Послушайте, Дэн, — глухо проговорил он. — Ведь вы уже выкупили долю Джека?

— Я этого не говорил.

— Это и так видно.

— Неправда, — запротестовал Энтенца. — Я действую сам по себе. Я…

— Бросьте, Джек, вас же насквозь видно, — спокойно сказал Гарриман. — Дэн, вы заполучили пятьдесят процентов в деле. У нас с вами всего

поровну и я, если Джордж от меня не отступится, могу управлять делом. Если вы получите еще одну долю, вы сделаетесь боссом. Похоже, именно этого вы и хотите.

— Я уже сказал, Дилоуз, что полагаюсь на вас.

— Но вам все-таки хочется для полного спокойствия заполучить контрольный пакет. Мне это не подходит. Я намерен заниматься космосом и Луной еще лет двадцать и добьюсь-таки процветания нашего дела. А вам, Дэн, это не по силам.

Диксон не ответил. Гарриман походил по кабинету взад-вперед и наконец, остановился перед Диксоном.

— Послушайте, Дэн, если бы вы действительно понимали перспективы нашего дела, я бы с легкой душой уступил вам место у руля. Но для вас все это только способ добиться денег и власти. Богатейте на здоровье, я с удовольствием вам помогу, но ключевая позиция пусть остается за мною. Нужно развивать наше дело, а не превращать его в дойную корову. Человечество отправится к звездам, и нам с вами придется провернуть такое, что нынешние проблемы покажутся чепухой. Человечество готово к этому, как невеста — к зачатию, но все это надо организовывать, иначе выйдет пшик. А вы, Дэн,

провалите дело, если встанете у руля: вы не видите перспективы, — он перевел дух. — Возьмите, к примеру, безопасность полета. Знаете, почему я уступил пилотское кресло Ле Круа? Ведь не со страху же. Я хотел, чтобы наш «Пионер» вернулся на Землю целым и невредимым, чтобы космические полеты не оказались мертворожденным дитятей. Знаете, зачем нам нужна монополия? Потому что теперь всякий, да еще и брат всякого захочет слетать на Луну. Помните, что началось после полета Линдберга[3]? Каждый, кто мнил себя пилотом и умел вертеть штурвал, считал своим долгом перелететь океан, некоторые летали даже с детьми. Пилоты сыпались в океан, и аэропланы быстро приобрели дурную славу. Авиафирмы стали так охочи до быстрых денег, что буквально каждый день случались катастрофы. С космическими кораблями такого случится не должно! Они слишком хороши и слишком дороги. Если о них пойдет дурная слава, лучше бы нам не рождаться на свет. Но я позабочусь, чтобы этого не случилось.

Они помолчали.

— Я уже говорил, Дилоуз, что верю в вас, — ска-

---

[3] Примечания: 3

Имеется в виду первый трансатлантический перелет Чарльза Линдберга в 1927 году.

зал Диксон. — Сколько нужно денег?

— Что? А на каких условиях?

— В обмен на вашу расписку.

— Мою расписку — и всего лишь?

— Конечно, мне понадобится какое-то обеспечение.

Гарриман ругнулся.

— Вы зацепили самое больное место, Дэн. Я же вложил в наше дело все, что у меня было, и вы, кстати, хорошо это знаете.

— Но у вас есть страховка, причем довольно большая.

— Есть, но она принадлежит Шарлотте.

— Да, вы говорили об этом Энтенце. Но, насколько я знаю, Дилоуз, у вас найдутся резервы, стоит только поискать. Во всяком случае, богадельня миссис Гарриман не угрожает, и от страховки это не зависит.

Гарриман поразмыслил.

— Какой срок мы поставим на расписке?

— Достаточно большой. Да, Дилоуз, мне еще понадобится обязательство о небанкротстве.

— Зачем? Оно же не будет иметь законной силы.

— Но вы бы с меня его взяли?

— Гм… пожалуй. Ладно!

— Тогда хватит болтать. Садитесь и пишите расписку.

Гарриман резко повернулся, подошел к сейфу и вернулся с пачкой полисов. Они вместе пересчитали сумму, и Диксон удовлетворенно кивнул. Потом он достал из кармана какой-то список, быстро пробежал его.

— Одного не хватает, а именно — «Норт Атлантик»…

Гарриман, прищурившись, посмотрел на него.

— Похоже, мне пора выставить всех своих клерков к чертовой матери.

— Не стоит, — спокойно посоветовал Диксон. — Я получил эти сведения не от ваших людей.

Гарриман снова сходил к сейфу, достал полис и прибавил его к пачке.

— Мои полисы вам не нужны, мистер Диксон? — осведомился Стронг.

— Пока нет, — он принялся рассовывать полисы по карманам. — У меня они будут целее, Дилоуз. Вот ваш чек, — он достал из кармана заверенный документ. — Расписку можете послать почтой.

Гарриман посмотрел на Диксона в упор.

— Иногда я спрашиваю себя: кто кого водит за нос, — он передал чек Стронгу. — Позаботься о нем, Джордж, а мне пора в Париж. Пожелайте

мне удачи, ребята, — и он резво, словно молодой фокстерьер, выскочил за дверь.

Стронг посмотрел на дверь, на Диксона, потом на чек.

— Я с удовольствием порвал бы его в клочья.

— Не стоит, — посоветовал Диксон. — Я еще раз повторяю, что верю в Дилоуза. Вы читали Карла Сэндберга, Джордж?

— Я мало читаю.

— Прочтите на досуге, не пожалеете. Один из его персонажей пустил слух, что в аду открылось месторождение нефти, и все подались в ад бурить скважины. Человек этот посмотрел, почесал в затылке, решил, что дыма без огня не бывает и тоже отправился в ад.

— Не улавливаю связи, — сказал Стронг после паузы.

— Дело в том, Джордж, что мне нужна твердая почва под ногами. Вам, кстати, тоже. А то ведь Дилоуз вполне способен уверовать в слухи, которые сам же и распустил. Лунные алмазы, подумать только! Идемте, Джек.

12

В следующие месяцы хлопот было не меньше, чем перед стартом «Пионера», кстати, его отправили отдыхать в музей Смитсоновского института. Большая группа инженеров и куча рабочих готовили катапульту. Еще две команды строили новые корабли — «Мейфлауэр» и «Колонист», еще, одна проектировала третий корабль. Всеми работами заправлял Фергюссон, а Костэр получил должность инженера-консультанта и подключался то к одной, то к другой группе. Колорадо-Спрингс превратился в настоящий промышленный город. Федеральное шоссе Денвер-Тринидад выбросило побег в его сторону, обойдя Петерсон-Филд.

Гарриман вертелся, словно кот с двумя хвостами, работал по восемь дней в неделю, разучился спать и совершенно загонял Камин-за и Монтгомери, но к Костэру в Колорадо-Спрингс наведывался регулярно.

Луна-Сити решили заложить в ближайший перелет и потому «Мейфлауэр» строился в расчете на семь человек. Четверо должны были остаться

на Луне до следующего рейса. Для них корабль нес воздух, пищу, воду и герметичное алюминиевое убежище — его планировали закопать в рыхлый лунный грунт.

Вокруг четырех вакантных мест разгорелось столько споров, что акции снова пошли нарасхват. Гарриман требовал, чтобы это непременно были две супружеские пары, ученые яростно возражали. Наконец, стороны пришли к компромиссу: все четверо будут учеными, но в то же время — супружескими парами. Среди ученых прокатилась эпидемия браков, которые после оглашения результатов конкурса были поспешно расторгнуты.

Параметры «Мейфлауэра» были максимальными для корабля, выводимого на околоземную орбиту катапультой и собственными двигателями. Незадолго до старта были запущены четыре больших безымянных танкера. Их вывели на ту же орбиту, которая предполагалась для «Мейфлауэра», и собрали в группу. Они должны были снабдить корабль горючим.

Это было труднее всего — собрать их в группу, чтобы Ле Круа мог подоить их одного за другим. От этого зависела судьба экипажа.

Долго прикидывали, как возвращать пилотов

с танкеров, пока Костэр не предложил простой и дешевый выход.

Автопилот, внук радиолампы и сын управляемого снаряда, должен был собрать танкеры. На первом танкере не было автопилота, им управлял второй танкер с помощью робота и маленького двигателя. Третий танкер вел два первых, четвертый — всю квадригу.

Таким образом, задача Ле Круа была достаточно проста, лишь бы система сработала.

13

Стронг показал Гарриману отчет о продаже автоматического выключателя «Гарриман, Стронг энд Компани», но тот только отмахнулся.

Стронг все же сунул бумаги ему под нос.

— Это не пустяки, Дилоуз. Это деньги, наши деньги и ничьи больше. Тебе следует побольше интересоваться текущими делами, а то как бы не пришлось торговать яблоками на углу.

Гарриман откинулся в кресле, сцепил руки на затылке.

— Слушай, Джордж, как ты можешь думать о всяких мелочах в такой день? Неужто в твоей душе нет ни капли поэзии? Или ты не слышал, что я сказал, когда вошел? Удалось! Первый и второй танкеры сошлись ближе, чем сиамские близнецы. Через неделю можно лететь.

— Слава богу. Но дело остается делом.

— Вот ты им и занимайся. У меня встреча с Диксоном. Когда он хотел прийти?

— Будет с минуты на минуту.

— Чудесно! — Гарриман откусил кончик сигары. — А, знаешь, Джордж, я даже не жалею, что не

полетел на первом корабле. У меня все впереди, я предвкушаю полет, словно жених — первую брачную ночь, и так же счастлив.

Диксон пришел без Энтенцы, словно хотел лишний раз подчеркнуть, что контролирует лишь одну долю. Они пожали друг другу руки.

— Слыхали новости, Дэн?

— Да, Джордж сказал.

— Все готово. Точнее, почти все. Через неделю с небольшим я буду на Луне. Трудно поверить, правда? Неужели вы не хотите меня поздравить, старина?!

Диксон молча уселся и спросил:

— Почему вы летите, Дилоуз?

— Что? Ну и вопросец, Дэн! Так ведь ради этого я и заварил всю эту кашу.

— Вопрос вполне нормальный. Итак, почему вы летите? О колонистах я не спрашиваю — все они тщательно отобранные ученые. Ле Круа — пилот, Костэр проектирует лунный город. А вам-то это зачем? Что вы там будете делать?

— А, вот вы о чем! Но я же возглавляю все дело и собираюсь стать мэром Луна-Сити. Возьмите сигару, дружище, — улыбнулся он, — меня зовут Гарриман. Не забудьте проголосовать…

Диксон не ответил на его улыбку.

— Так вы собираетесь там остаться?

— Это только мечты. Чтобы я смог остаться на Луне, нужно очень быстро установить жилище, тогда мы сэкономим достаточно воздуха и припасов. Надеюсь, вы не станете возражать?

— Я не позволю вам лететь вообще, Дилоуз, — ответил Диксон, глядя ему прямо в глаза.

Гарриман так удивился, что потерял дар речи.

— Не шутите так, Дэн, — вымолвил он наконец. — Я лечу, это решено. Ни вы, ни даже Господь Бог, не сможете меня остановить.

— Я не могу отпустить вас, Дилоуз, — покачал головой Диксон. — Я вложил в это дело слишком много. Случись с вами что-нибудь — и я потеряю все.

— Чепуха! Продолжите дело с Джорджем, вот и все.

— Спросите у Джорджа сами.

Стронг промолчал, избегая встречаться взглядом с Гарриманом.

— Не обманывайте себя, Дилоуз. Все это дело — вы и только вы. Если вы погибнете, всему делу конец. Я говорю не о космических путешествиях — они-то будут продолжаться, даже если на вашем месте будет другой; вы их хорошо подтолкнули. Я говорю, что рухнет конкретное

предприятие — наша компания. Мы с Джорджем едва сможем свернуть дело, получив полцента за вложенный доллар. Мы разоримся.

— Черт побери, мы ведь ничего не продаем, точнее — продаем нечто неосязаемое. И вы прекрасно это знаете.

— Это нечто неосязаемое — вы, Дилоуз. Вы — гусыня, что несет золотые яйца. Мне нужно, чтобы вы остались здесь и вели все дело. И не рисковали собой до тех пор, пока не поставите дело так, что с ним справится любой путный администратор вроде Стронга или меня. Я говорю откровенно: я слишком много вложил в это дело и не позволю вам ставить все под удар ради ваших причуд.

Гарриман вскочил, тяжело дыша.

— Вы меня не остановите! — медленно и внятно сказал он. — Вы же знаете, как это для меня важно. Все силы неба и преисподней меня не остановят.

— Мне очень жаль, Дилоуз, — спокойно ответил Диксон, — но я вас остановлю. В конце концов — задержу корабль.

— Не посмеете! У меня не меньше адвокатов, чем у вас, к тому же мои — получше ваших.

— Учтите только, что в американских судах вас уже не так любят, как когда-то. Ведь оказалось,

что Луна вовсе не принадлежит Соединенным Штатам.

— Попробуйте, попробуйте! Я сверну вам шею и выкину из дела.

— Не зарывайтесь, Дилоуз! Я верю, что у вас найдется против меня козырь в рукаве. Но до этого не дойдет. Я ведь тоже хочу, чтобы корабль полетел как можно скорее. А вы не полетите, потому что сами откажетесь от полета.

— Сам, вот как? Вы решили, что я спятил?

— Наоборот.

— Тогда чего же ради я откажусь?

— Из-за расписки, которую вы мне дали. Я не хочу потерять свои деньги.

— Но ведь срок еще не истек.

— Верно, но я хочу быть уверен, что в свое время я все же получу их.

— Болван вы этакий, поймите — если я убьюсь, вы их сразу и получите.

— Да неужто? Так вот, Дилоуз, если вы погибнете во время полета на Луну, я не получу ни гроша. Я справлялся в компаниях, где вы застрахованы — почти все они очень ловко обошли пункты, связанные с летательными аппаратами, начиная с воздушного змея. Если вы подниметесь на борт корабля, они аннулируют полисы, и суд их

поддержит.

— Это вы им подсказали?!

— Спокойнее, Дилоуз, говорю я вам! Естественно, я их просветил, но не для того, чтобы вам повредить, а чтобы самому не оказаться в дураках. Я не желаю получать деньги по вашей расписке ни сейчас, ни после вашей гибели. Я хочу, чтобы вы вернули мне деньги из своих прибылей и вели дело, пока они не пойдут сами собой.

Гарриман отшвырнул изжеванную сигару.

— Мне плевать, — проговорил он сдавленным голосом, — сколько вы на этом потеряете. Если бы вы их не надоумили, они заплатили бы, как миленькие.

— Вам следовало быть предусмотрительнее, Дилоуз, распространить страховку на космическое путешествие.

— Но ведь в полисе Северо-Атлантической…

— Я был и там. Их формулировка — сплошной туман. В страховом деле тоже надо многое менять.

Гарриман призадумался.

— Пожалуй. Джордж, позови Каминза. Подключим к этому нашу собственную страховую компанию.

— Не беспокойте Каминза, — остановил его Диксон. — Лететь вам все равно нельзя — слишком много дел на Земле.

— Дэн, я лечу и все тут! Задерживайте корабль, если сможете. Выставьте вокруг охрану — я всех раскидаю.

Диксон поморщился.

— Я не хотел говорить, Дилоуз, но придется. Даже если я и пальцем не шевельну, вас все равно остановят.

— Кто?

— Ваша супруга.

— А она здесь при чем?

— Она знает об истории со страховкой и готова возбудить против вас дело о защите своих прав. Если вы не откажетесь лететь, она потащит вас в суд и добьется описи имущества.

— Значит, вы и ее втравили.

Диксон промолчал. Он знал, что это Энтенца выболтал все миссис Гарриман, но сейчас было не до личных счетов!

— Она сама что-то заподозрила. Я говорил с ней, не отрицаю, но она сама попросила меня о беседе.

— Я вас в порошок сотру! — крикнул Гарриман и отвернулся к окну.

Диксон подошел к нему, положил руку на плечо.

— Не переживайте так, Дилоуз, — мягко сказал он. — Никто не собирается топтать вашу мечту, просто пока для нее не пришло время. У вас есть обязательства перед всеми нами. Мы делаем одно дело, и вы должны быть с нами до конца.

Гарриман ничего не ответил.

— Ну ладно, на меня вам наплевать, — продолжил Диксон, — но подумайте о Джордже. Он всегда был с вами, даже когда считал, что вы его разоряете. А ведь так оно и окажется, если вы не доведете дело до конца. Ну как? Хотите пустить Джорджа по миру?

Гарриман резко повернулся и посмотрел Стронгу прямо в глаза.

— А ты сам что скажешь, Джордж? Ты тоже считаешь, что я не должен лететь?

Стронг смущенно потер руки, облизнул пересохшие губы и посмотрел Гарриману в лицо.

— Все в порядке, Дилоуз. Поступай, как считаешь нужным.

Гарриман долго смотрел на компаньонов. Казалось, он готов заплакать.

— Ладно, сучьи дети, — сказал он наконец. — Ладно. Я остаюсь.

14

Это был чудесный вечер, такие часто бывают в окрестностях Пайкс-Пик после грозы.

Катапульта четко рисовалась на фоне горы, она словно раздвинула скалы. Во временном, еще недостроенном космопорте Гарриман и Очень Важные Персоны прощались с пассажирами корабля.

Толпа зрителей обступила корабль и основание катапульты. Это было безопасно — двигатели корабля заработают, лишь когда он вознесется над горой. Правда, и корабль, и блестящие рельсы тщательно охранялись.

Диксон, Стронг и прочие сбились в свою кучку между группой официальных лиц и толпой провожающих. Гарриман развлекал улетающих.

— Счастливого пути, доктор. Присматривайте за ним, Джанет, не давайте ему пялиться на лунных девушек, — он подошел к Костэру, о чем-то с ним перемолвился и похлопал по плечу.

— Он хорошо держится, правда? — сказал Диксон.

— Может, мы напрасно его удержали? — отве-

тил Стронг.

— Что? Ерунда! Он нужен нам здесь. Как бы то ни было, он обеспечил себе место в истории.

— Зачем оно ему? — задумчиво сказал Стронг. — Ему нужно место в космолете.

— Ну вас к черту… Ему нельзя лететь на Луну… Во всяком случае, не раньше, чем он приведет в порядок- все земные дела. Ведь он сам все это придумал.

— Это верно…

Гарриман обернулся и направился к ним. Они замолчали.

— Все в порядке, — весело сказал он. — Я лечу следующим кораблем. Вот увидите, к тому времени я все налажу. Отлично смотрится, правда? — добавил он, указывая на «Мэйфлауэр».

Люк закрылся. На контрольной башне зажглись прожекторы. Взвыла сирена.

Гарриман подался вперед.

— ДАВАЙ!

Вся толпа разом вскрикнула. Громадный корабль сначала медленно, потом все быстрее и быстрее двинулся к вершине горы. Когда «Мейфлауэр» сорвался с катапульты и вырвался в небо, он казался совсем маленьким.

На мгновение он завис неподвижно, а потом

— просто исчез. Корабль ушел на рандеву с танкерами.

Когда корабль вознесся над горой, и люди бросились к катапульте, Гарриман остался стоять на месте. Диксон и Стренг тоже. Хотя они стояли втроем, Гарриман казался совершенно одиноким. Он смотрел в небо, не обращая внимания на компаньонов.

Стронг прошептал Диксону:

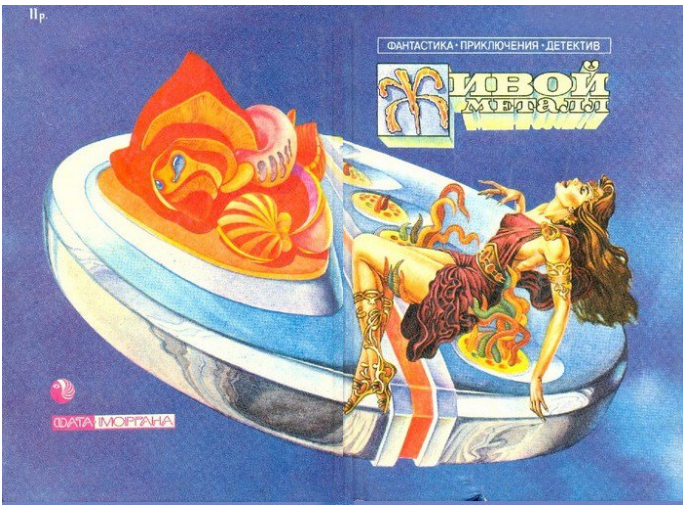
— Вы читаете Библию?

— Иногда.

— Он похож на Моисея, узревшего землю обетованную.

Гарриман повернулся, увидел их.

— Вы все еще здесь? — сказал он. — Пойдемте… Надо работать.

11р.
ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ДЕТЕКТИВ
ФАТА МОРГАНА